

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсева

« ____ » _____ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**МЕМОРАТЫ СТАРОЖИЛОВ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ В
ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Выпускник

Ю.С. Корнилина

Научный руководитель

д.ф.н., проф. О.В. Фельде

Нормоконтролер

А.С. Белозор

Красноярск 2016

РЕФЕРАТ

Тема работы: «Мемораты старожилов Нижнего Приангарья в лингвистическом аспекте». Данная работа содержит 79 страниц, 1 приложение на 43 страницах и 45 источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД, МЕМОРАТ, РЕЧЕВОЙ ЖАНР, ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА, ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ТИП ТЕКСТА.

Цель исследования – проанализировать тексты ангарских меморатов с позиций коммуникативной диалектологии. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: 1.Собрать и систематизировать устные мемораты старожилов Нижнего Приангарья; 2.Раскрыть теоретико-методологические основы коммуникативной диалектологии; 3.Проанализировать основные подходы к исследованию устного рассказа – воспоминания, описать жанровые признаки устного ангарского мемората; 4.Выявить тематическую структуру ангарского мемората; определить уровни и единицы данной структуры; 5.Выявить и проанализировать эмоционально-смысловые типы ангарского мемората.

Актуальность работы определяется, во-первых, недостаточной изученностью жанровой дифференциации диалектных текстов и языковых особенностей устных меморатов, которые до недавнего времени лингвистами не изучались; во-вторых, необходимостью пополнения и обогащения корпуса диалектной лингвистики; в-третьих, необходимостью дальнейшего анализа особенностей диалектной коммуникации. Помимо этого, актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в решение актуальных задач атропоцентрической парадигмы, изучающей язык в тесной связи с его главным носителем – человеком.

Источником исследования послужили мемораты старожилов Нижнего Приангарья, записанные в ходе диалектологических экспедиций студентов СФУ в Кежемский и Богучанский районы Красноярского края.

В ходе исследования нами были сделаны следующие **выводы:** Коммуникативной диалектологии, которая базируется на принципах антропоцентрической мегапарадигмы, принадлежит важная роль в изучении процесса диалектной коммуникации, диалектного дискурса и устных текстов разных жанров.

Диалектные повествовательные тексты и высказывания, транслирующие индивидуальный и коллективный языковой и культурный опыт, обладают высокой лингвистической информативностью. Для них характерны событийность, антропоцентричность и эгоцентричность. Данные черты ярко представлены в жанре устного мемората, т.е. рассказа-воспоминания, в котором воспроизводятся личные впечатления обо всем пережитом, а также о судьбе родных и знакомых. В ходе исследования доказано, что ангарскому меморату свойственны полисобытийность, субъективность и оценочность повествования, а также наличие повторяющихся сюжетных схем. Установлено, что ведущими подходами к исследованию мемората являются формально-семантический, который позволяет рассмотреть тематическую организацию текста, и коммуникативный, нацеленный на выявление и характеристику жанровых и функциональных особенностей мемората. В ходе тематического членения эмпирического материала выявлены базовые тематические структуры ангарского мемората: «Семья», «Чужие», «Работа», «Промыслы», «Суеверия и верования». Путём выделения номинационных цепочек, элементами которой являются словоформы, слова, словосочетания и предложения, выявлены уровни его тематической структуры: подтемы и микротемы; установлен открытый характер их границ.

Путем выделения эмоционально-смысловых доминант определены эмоционально-смысловые типы ангарского мемората, доказано, что преобладают светлый, светло-печальный и темный тексты.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ	8
1.1. Коммуникативная диалектология: вопросы теории.....	8
1.2. Повествовательные тексты в диалектном дискурсе	12
1.3. Устный меморат как жанр диалектной речи	15
1.3.1. Языковая экспликация прошлого в ангарском меморате	26
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	29
ГЛАВА 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АНГАРСКОГО МЕМОРАТА	31
2.1. Тема текста: вопросы теории	31
2.2. Тематическая организация ангарского мемората	34
2.2.1. Методика тематического членения диалектного монологического текста	35
2.2.2. Основания для классификации тем ангарского мемората.....	36
2.2.3. Тематические уровни ангарского мемората.....	37
2.2.3.1. Тематическая структура «семья»	39
2.2.3.2. Тематическая структура «чужие»	45
2.2.3.3. Тематическая структура «работа»	48
2.2.3.4. Тематическая структура «промыслы»	51
2.2.3.5. Тематическая структура «суеверия и верования»	53
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	58
ГЛАВА 3. ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ АНГАРСКОГО МЕМОРАТА	59
3.1. Светлый меморат.....	60
3.2. Светло-печальный меморат	63
3.3. Темный меморат.....	65
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	76
ПРИЛОЖЕНИЕ	79

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода и посвящено устным меморатам, т.е. рассказам-воспоминаниям, в которых воспроизводятся личные впечатления обо всем пережитом, а также о судьбе родных и знакомых.

Актуальность работы определяется, во-первых, недостаточной изученностью жанровой дифференциации диалектных текстов и языковых особенностей устных меморатов, которые до недавнего времени лингвистами не изучались; во-вторых, необходимостью пополнения и обогащения корпуса диалектной лингвистики; в-третьих, необходимостью дальнейшего анализа особенностей диалектной коммуникации. Помимо этого, актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в решение актуальных задач атропоцентрической парадигмы, изучающей язык в тесной связи с его главным носителем – человеком.

Цель исследования – проанализировать тексты ангарских меморатов с позиций коммуникативной диалектологии.

Для достижения данной цели решаются следующие задачи:

1. Собрать и систематизировать устные мемораты старожилов Нижнего Приангарья;
2. Раскрыть теоретико-методологические основы коммуникативной диалектологии;
3. Проанализировать основные подходы к исследованию устного рассказа-воспоминания, описать жанровые признаки устного ангарского мемората;
4. Выявить особенности языковой экспликации прошлого в ангарских меморатах;
5. Выявить тематическую структуру ангарского мемората; определить уровни и единицы данной структуры;
6. Выявить и проанализировать эмоционально-смысловые

типыангарского мемората.

Объект исследования –ангарские диалектные монологические тексты в жанре мемората. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что устные мемораты обладают не только лингвистической содержательностью, но и информационной насыщенностью: содержат сведения о фактах и событиях реальной жизни, несут информацию о субъективных переживаниях, чувствах рассказчика.

Предмет исследования– тематическая организация и эмоционально-смысловые типы текстов ангарского мемората.

Эмпирической базой исследования послужили ангарские устные тексты, собранные и расшифрованные нами в период учебной диалектологической практики 2015 г. под рук. проф. О.В. Фельде в Кежемском р-не Красноярского края от переселенцев из зоны затопления Богучаснской ГЭС, проживающих в г. Кодинске, а также в нас.п. Заледеево, Климино Кежемского района. Кроме того, использован архив диалектологических практик в Богучанский р-н Красноярского края (2014, 2015 гг.). Основу рабочей текстотеки составили устные воспоминания информантов в возрасте от 55 до 88 лет. В настоящей работе в лингвистический оборот включается 52 текста.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы в области коммуникативной диалектологии (Т.А. Демешкиной, В.Е. Гольдина, Г.В. Калиткиной, С.П. Петруниной), в области жанроведения (Т.В. Шмелевой), а также исследования по теории мемората (И.А. Голованов) и работы по тональности текста (В.П. Белянин).

Методы исследования:

На этапе сбора материала были использованы:

- социолингвистический метод (приёмы интервьюирования и включенного наблюдения); прием перевода устной речи в письменную с последующей тематической разметкой;

В процессе исследования были использованы:

- методика характеристики речевого жанра, предложенная Т.В.Шмелевой;
- методика тематической разметки на основе выделения номинационных цепочек;
- методика эмоционально-смыслового анализа текстов.

На заключительном этапе исследования применялся метод лингвистического описания.

Новизна работы обусловлена, во-первых, тем, что в лингвистический оборот вовлекаются мемораты старожилов Кежемского и Богучанского районов, коммуникативное пространство которых в настоящее время стремительно изменяется. Впервые данные тексты рассматриваются в жанроведческом и структурно-семантическом аспектах.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы нашего исследования могут использоваться на занятиях по диалектологии, лингвистическому регионоведению, а также в научно-исследовательской практике бакалавров и магистрантов.

Социокультурная значимость работы заключается в попытке зафиксировать и сохранить образцы живой народной речи и отразить мировидение ангарцев.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

В первой главе рассматриваются теоретико-методологические основы изучения диалектной монологической речи, описываются основные понятия в сфере коммуникативной диалектологии и дается характеристика повествовательных текстов в диалектном дискурсе. Также рассматриваются подходы к исследованию устных диалектных текстов, описываются жанровые признаки мемората и способы языковой экспликации прошлого в ангарском меморате. Во второй главе описывается тематическая организация диалектных текстов, выявляются тематические структуры, свойственные ангарскому меморату. В третьей главе на основе тематического членения ангарских меморатов выявляются их эмоционально-смысловые типы. В

Приложение включены тексты меморатов старожилов Нижнего Приангарья.

Апробация материалов исследования осуществлялась на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектив Свободный – 2016», а также на заседании кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации. По материалам исследования опубликована статья.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

1.1. Коммуникативная диалектология: вопросы теории

Как известно, лингвистика как наука находится в постоянном развитии, исследуя с каждым годом все более широкий спектр проблем и явлений языковой действительности. Одной из приоритетных задач лингвистики сегодня является изучение диалектов русского языка.

В настоящее время изучение диалектной речи позволяет не только выявить и сохранить ценные сведения о традиционных русских народных говорах, но и помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, помогает уловить влияние народной речи на становление и развитие русского литературного языка, и, следовательно, ответить на многие вопросы истории языка и истории народа.

Исследовательской деятельностью в этом направлении занимаются учёные-диалектологи Института русского языка им. Виноградова, Саратовской и Томской диалектологической школ. Несмотря на впечатляющие результаты, полученные в ходе работы ученых, к настоящему времени неисследованными остается огромный массив диалектных текстов Урала, Дальнего Востока и Сибири. Приоритетными задачами сегодня для диалектологов является работа по анализу диалектной коммуникации, различных жанров диалектной речи.

По мнению Т.А.Демешкиной, развитие корпусной лингвистики обусловило смену дифференциального подхода в изучении языковых явлений действительности на недифференциальный. Вследствие этого, диалект стал рассматриваться как цельная система и как особая форма коммуникации, подразумевающая появление новых подходов в исследовательской деятельности [Демешкина, 2000: 7].

В русской современной диалектологии, наряду с существованием

системно-ориентированного (синтаксического) и семантического подходов, развивается новое направление, новый подход – коммуникативный, предполагающий изучение диалекта как такового. Образовавшись еще в конце XX – начале XXI вв., коммуникативный подход становится ведущим и представлен в первую очередь в трудах ученых Саратовской диалектологической школы (Гольдин 1997, 2001, 2002а, 2002б, 2009; Гольдин, Крючкова 2006, 2008а, 2008б, 2009, 2010; Крючкова 2002, 2007, 2008а, 2008б, 2008в, 2009а, 2009б; Крючкова, Гольдин 2011; Крючкова, Гольдин, Сдобнова 2007 и др.)

Сегодня мы можем говорить об отдельной ветви в изучении диалектов – о коммуникативной диалектологии. «Ее становление обусловлено как потребностями самой диалектологии, задачами совершенствования ее теории и методов, так и процессами развития лингвистики в целом, теоретическими и практическими задачами, которые приходится ей решать в настоящее время»[Гольдин, 2009:4]. Коммуникативная парадигма играет для диалектологии большую роль, поскольку дает возможность изучения различных сторон диалектного общения в рамках данной парадигмы. Т.А. Демешкина отмечает, что «именно коммуникативный подход к диалектной речи, освещающий диалект изнутри как особую форму коммуникации, позволит показать спорность утверждений по поводу нивелирования диалекта под воздействием литературного языка[Демешкина, 2000:7].

Предпосылки появления коммуникативной диалектологии заложены в том, что «диалектология в значительной мере предвосхитила многие из тех положений, которые сегодня активно разрабатываются современной лингвистикой (принцип антропоцентризма, функционализма, изучения метаязыкового сознания, интегративности, междисциплинарности), на основе которых осуществлялись диалектологические исследования и эти же принципы являются базовыми для диалектологии в целом»[Крючкова, 1998].

Многие ученые, такие как О.Ю. Крючкова, В.Е. Гольдин сходятся во

мнении, что «актуальность разработки проблем коммуникативной диалектологии связана с той большой ролью, которую современные диалекты играют в речевом общении, с их значением хранителей своеобразия национально-языковых картин мира» [Гольдин, 2009: 11]. Взаимодействие диалектов с просторечием и литературным языком является настолько заметным, что определение сущности последних невозможно без соотнесения ее с сущностью диалектов. Этим можно объяснить интерес лингвистов к теоретическому осмыслению явления диалекта.

При определении цели коммуникативной диалектологии, многие ученые повторяются с главным тезисом, принадлежащему В.Е. Гольдину, который «целью коммуникативной диалектологии видит выявление общих диалектам принципов организации диалектного высказывания и далее – диалектной коммуникации» [Гольдин, 1997: 6].

Коммуникативная диалектология имеет собственный объект изучения, характеризуется аспектами, методами, источниками исследования. Во-первых, она изучает территориальное варьирование речи (при этом изучает как проявление общедиалектных принципов организации традиционного сельского общения), во-вторых, направляет внимание на новые для диалектологии объекты исследования [Там же]. К этим объектам относят коммуникативную структуру сельского общения на диалекте, социально-коммуникативные роли традиционного деревенского общения, особенности языковой личности носителя диалекта, формы трансляции диалекта во времени и пр. Как отмечают ученые, «к теоретической основе коммуникативной диалектологии относят представление о семантике общения как об одном из главных организующем речь факторов» [Гольдин, Крючкова, 2006:13].

Ученые по-разному определяют предназначение коммуникативной диалектологии: например, Ю.А. Эмер говорит о «сохранение национальных культурных или же субкультурных традиций посредством моделирования

идеального мира» [Эмер, 2011:45]. С.В. Волошина и Т.А. Демешкина настаивают, что «одной из важнейших функций диалекта как устной коммуникации является межпоколенная передача культурно значимой информации через моделирование идеального мира прошлого» [Волошина, Демешкина, 2012: 16].

Исходя из цели коммуникативной диалектологии, единицей анализа при данном подходе становится высказывание. Т.А. Демешкина отмечает следующий важный для коммуникативного подхода в диалектологии момент: «Признание коммуникативности не только основной функцией, но и субстанцией языка сместило акцент из области структурно-системного направления в область исследования семантики реализованного предложения, то есть высказывания. Признание приоритета коммуникативной функции сделало возможным рассмотрение лексических, словообразовательных, морфологических, фонетических единиц в качестве строительного материала, испытывающего воздействие со стороны единиц высшего порядка – высказывания и текста» [Демешкина, 2000:10].

Поскольку главным объектом исследования в рамках коммуникативного подхода становится устная речь и воплощенные в ней единицы общения, изучение диалектной речи при данном подходе требует иной, в сравнении со структурными и функциональными исследованиями, организации научных источников, иного отбора материала, требования к методике сбора, обработки диалектного материала.

В.Е.Гольдин выделяет основные формы организации источников, соответствующие задачам коммуникативной диалектологии, – корпуса текстов. Они воплощаются в:

- 1) в аналоговом представлении (магнитофонные, диктофонные и прочие звукозаписывающие записи)
- 2) в виде оцифрованных текстовых фрагментов звучащей речи, и прежде всего – в качестве расшифрованных записей с звукозаписывающих устройств;

3) в виде машиннообрабатываемых текстовых корпусов с символьным представлением речи;

4) в форме кино- и видеозаписей со звуковым рядом.

Ю.В. Косицина в своих работах говорит от том, что в рамках коммуникативного подхода появляются исследования, представляющие анализ текстов диалектной речи в различных аспектах: жанровом (исследователи в этом направлении – Букринская, Кармакова, Волошина, Демешкина), лингвоперсонологическом (Гынгазова, Иванцова, Зотина, Казакова и т.д.), лингвокультурологическом (Белякова, Гольдин, Крючкова, Банкова и т.д.), тематическом.

Таким образом, формирование коммуникативной диалектологии обусловлено как потребностями и задачами самой диалектологии, так и процессами развития лингвистики в целом, теоретическими и практическими задачами, которые приходится ей решать в настоящее время.

Метод анализа по тематической разметке диалектного текста и эмоционально-смысловым доминантам, которым мы будем пользоваться в данной работе, входит в парадигму коммуникативного подхода к диалектным текстам. Методы будут описаны нами ниже.

1.2. Повествовательные тексты в диалектном дискурсе

Важнейшими объектами коммуникативной диалектологии являются повествовательные тексты, в которых происходит «межпоколенная передача культурно значимой информации» (Демешкина Т.А.). Обычно они исследуются как единицы диалектного дискурса.

Говоря о диалектном дискурсе важно отметить, что он скреплен главным образом смыслами и семантическими отношениями повседневности, и это же и объединяет тексты в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Диалектный дискурс рассматривается как «сфера обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок,

а диалект – как инструмент повседневных интерпретаций» [Калиткина, 2010: 4].

Повествовательный текст – результат дискурсивной деятельности, поэтому он приобретает специфичные черты в связи с диалектным дискурсом. Диалектный текст чаще всего является повествованием о сменяющихся во времени событиях, действиях, в которых повествователи принимали реальное участие. «Информативное наполнение в таком тексте динамично, развертывание авторского замысла в дискурсе сознательно или подсознательно связывается говорящим с категорией темпоральности как некой отправной или конечной точкой отсчета всего происходящего в окружающем человека мире» [Там же]. Внимание исследователей привлечено к временным и пространственным категориям как самостоятельным единицам или как категориям, организующим разные концепты [Грицкевич, 2011:163].

В лингвистике по разным причинам (как объективным, так и субъективным) изучение текстов проводилось лишь на письменном уровне, оставляя различные по жанрам образцы устного дискурса в стороне [Николаева, 2014:469]. Однако в конце XX века ситуация начала радикально изменяться.

Диалектная коммуникация, имеющая множество сходных черт с коммуникацией на литературном языке, все же имеет своеобразные черты входящих в нее повествовательных текстов, отличающие ее от других видов коммуникации. Так, В.Е.Гольдин пишет, что диалектному повествованию свойствен ряд особенностей, которые, «с одной стороны, могут рассматриваться как различные проявления принципа совмещения в речи ситуации – темы с ситуацией текущего общения, а с другой стороны, могут быть интерпретированы как действие принципа иконичности повествования; при этом полного совпадения результатов действия указанных принципов не обнаруживается, и, следовательно, данные принципы не могут быть отождествлены»[Гольдин, 2009:23].

В ходе исследований, которые были проведены ученым, были выявлены специфические особенности повествовательного текста в диалектном дискурсе:

1. Ярко выраженные признаки разговорности (индивидуальная адресация, непринужденность коммуникации, неподготовленность устного рассказа, нарушения в передаче последовательности описываемых действий и т.д.)
2. Использование в речи основных регистров повествования: информативного, репродуктивного(изобразительного) и генеративного. «Рассказчик не только информирует, т.е. передает то, что ей известно, но и воспроизводит в своей речи ситуации, о которых говорит, представляет их существующими «здесь» и «сейчас», в момент реально протекающего общения» [Гольдин, 2009:34].
3. Использование приемов лицедейства/речевой маски. Говорящий стремится воспроизвести речевые особенности передаваемой речи. Он в прямом смысле слова «исполняет» чужую речь в своем повествовании, перевоплощаясь в автора высказывания и превращая сказанное раньше в то, что говорится «здесь» и «сейчас».
4. Повествование в диалектном дискурсе тяготеет к «фабульности» и событийности, а в центре событий обязательно стоят люди, действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания. Все эти моменты образуют некое тематическое ядро, не уходят на периферию. Диалектный дискурс антропоцентричен в самом прямом смысле этого слова [Там же].
5. В центре повествования обычно стоит не просто человек, а в первую очередь сам рассказчик. О.А. Казакова пишет: «Анализ диктумного содержания данного жанра дает возможность говорить о том, что действительность антропоцентрична и эгоцентрична» [Казакова, 2007: 54]. Присущая текстовая эгоцентричность – неотъемлемое

свойство повествования в диалектном дискурсе.

- б. Событийность, антропоцентричность и эгоцентричность диалектного повествования имеют крепкую связь с традиционным для сельской речевой культуры отношением к знанию. Важным и достоверным представляется не услышанное в чьем-либо рассказе или тем более пересказе, а виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий.

Таким образом, специфическими чертами повествовательного текста в диалектном дискурсе является событийность, антропоцентричность и эгоцентричность, имеющие связь с традиционным для сельской культуры представлением об окружающем мире. Ведь важным для диалектоносителя является увиденное и прочувственное непосредственно им самим, как участником событий. Данные специфические черты повествовательного текста более всего отражены в жанре мемуарата.

1.3. Устный мемуарат как жанр диалектной речи

Устные рассказы – термин, восходящий к работам М.М. Бахтина, под которым понимается «неписменный речевой жанр, обладающий специфической тематикой, которая связана с повседневным бытием человека, и характерный для неформальных условий общения» [Бахтин, 2000]. Наибольшее внимание этому жанру уделяли У.Лабов, М.Тулан, Л.Полани и др.

В работе М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой [Кормилицына, Сиротинина, 2001] рассматривается тематическая организация устного монолога, представляющего собой рассказ-воспоминание. «Отличительная особенность устного рассказа – его совместное построение говорящим и собеседником: собеседник задает тему, его вопросы продвигают повествование. При исчерпанности темы адресат задает новый поворот

рассказа» [Там же: 312].

Данный речевой жанр имеет специфические черты, поскольку является рефлексией прошлого опыта, важнейшим компонентом речевого общения, а также средством сохранения и передачи информации, которая с позиции говорящего является значимой в культурном, эстетическом, социальном отношении.

Существуют параметры, являющиеся значимыми для жанра «рассказ-воспоминание»: 1) форма речи(в данном случае – монологическая); 2) коммуникативная цель(в данном случае – передача культурно значимой информации от старшего поколения к младшему).«С точки зрения коммуникативной цели рассказ-воспоминание относится к информативным жанрам, которые противопоставляются фатическим жанрам речи» [Дементьев, 1997]; 3) социальные и возрастные характеристики диалектоносителей; 4) языковые средства выражения.

Как отмечает Т.А. Демешкина, «образ автора в жанре рассказа-воспоминания может быть описан с точки зрения его непосредственного или опосредованного участия в событиях» [Демешкина,2000: 67]. Выделяя «автора-говорящего», рассказчик, при коммуникации с интервьюером, вспоминает ключевые факты из жизни, события, в который непосредственно принимал участие или же был их свидетелем. Имеют место быть события, которые произошли с его родными и близкими.

Выделение такого параметра, как объект воспоминания, является релевантным для жанра «рассказ-воспоминание». Если в чужих воспоминаниях объект повествования ясен – это люди, которых рассказчик не знал лично, то в ситуации, когда автором является сам говорящий, возможны два типа объектов рассказа-воспоминания: 1) сам говорящий и 2) люди, которых говорящий хорошо знал и был свидетелем их жизни. В ситуации, когда рассказчик вспоминает события собственной жизни, реализуется еще один подтип жанра воспоминания – «автобиографический рассказ» [Кормазина, 2003: 67].В зависимости от

данного параметра исследуемый нами речевой жанр может реализоваться в следующих вариациях: 1) чужие воспоминания; 2) воспоминания о других;

Устные рассказы – воспоминания, повествующие о личных фактах и событиях говорящего, называют особым термином – меморат. В переводе с английского, итальянского, польского слово «мето» означает напоминание, в испанском языке «метога» – память, в немецком и французском языке слово «мето» означает заметка, памятка. С латинского языка «memoria» – память.

В научной статье И.А. Голованова меморат определяется как «устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик» [Голованов, 2013: 33]. Отличительные черты мемората от, к примеру, преданий – минимальная степень обобщения жизненного материала, «однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем «оторваться» от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации» [Там же].

Совершенно очевидно, что речевые жанры подлежат постепенной систематизации и типологизации. Как именно, по каким параметрам определять принадлежность к тому или иному жанру, описывает Т.В. Шмелева в своей статье «Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка» [Шмелева, 1990:23]. На наш взгляд, мемораты обладают рядом существенных признаков, выделяющих их из ряда общего жанра личных рассказов. Для описания данных признаков мы будем пользоваться «анкетой» (список критериев, позволяющие отнести данный текст к тому или иному речевому жанру), приведенной в работе Т.В. Шмелевой.

Первым жанрообразующим признаком является **цель коммуникации**. Он объединяет теорию речевых жанров и теорию речевых актов. «Коммуникативная цель входит в модус любого высказывания, но здесь важна жанрообразующая роль компонента цель (намерение, воля, замысел),

то есть цель вполне определённая» [Там же]. При этом подчеркивается принципиальность выбора цели как первого жанрообразующего признака, поскольку цель – основополагающий компонент типологии речевых жанров, она входит в модус любого высказывания. Как известно, существуют четыре вида коммуникативных целей: информационная, оценочная, императивная, ритуальная. При этом Т.В.Шмелева вводит понятие «миров», выделяемых в действительности: мира информации (знаний), оценок (мнений), реальных событий и социальных отношений, проявляющихся в ритуализированных формах.

Тексты, исследуемые нами в данной работе – мемораты, можно отнести к смешанным по коммуникативной цели, они включают в себя информационную и оценочную цели. Эта принадлежность обнаруживается в самом определении мемората как устного текста – воспоминания человека о личной судьбе, или воспоминания о людях, с которыми его связала жизнь, воспоминания о конкретных фактах, событиях, как рассказа о событиях, рассказа, который воспринимается как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения. Основной задачей рассказчика становится повествование, о чем бы то ни было. Также коммуникативность по цели закладывается и самим типом получения рассказов – сбором материала для работы посредством интервьюирования, когда спонтанное речепорождение сменяется рассказом на заданную тему. При этом искусственность созданной ситуации важна тем, что собиратель рассказов может некоторым образом влиять на ход повествования, например, задавать наводящие вопросы. Однако мы старались не злоупотреблять этой возможностью и практически все собранные тексты представлены цельно, в форме монолога рассказчика.

В речи рассказчиков встречаются метаречевые фрагменты, описывающие коммуникативную цель: *«Дело было как»*, *«Ну как возила»*, *«Потом...»*, *«В одну ночь...»*.

Однако же следует заметить, что при более подробном рассмотрении меморатов можно увидеть, что в них есть и еще одна цель – оценочная. При этом сами описанные события могут оцениваться как самим рассказчиком, так и главным действующим лицом мемората – рассказчиком прошлого, также могут оцениваться отдельные поступки, события жизни героев, оцениваться собственное поведение – в таких случаях рассказы становятся своеобразным способом рефлексии рассказчика по поводу прошедших событий.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в исследуемых текстах одновременно обнаруживаются две коммуникативные цели – информативная и оценочная.

Критерий **образ рассказчика**, для определения жанрообразующего признак «заимствован» Шмелевой у Виноградова и, не смотря на сложность и многомерность этого понятия, используется ею с учетом относительности этого образа – образ автора осмысляется относительно адресата. Однако мы смеем дополнить это понятие идеями Шмида. Исследователь разделяет понятия повествователя и рассказчика как авторов мемората, при этом рассказчик – это инстанция более субъективная, чем повествователь, возможно, совпадающая с одним из персонажей (что и происходит в исследуемых нами текстах) или принадлежащая к миру повествования. При этом автор мемората – это субъект, наделенный точкой зрения и типологически не важна его отнесенность к повествователю или рассказчику [Шмид, 2003:110]. Рассказчик имеет две возможности передавать события: применяя свою собственную точку, или точку зрения одного или нескольких персонажей – персональную, при этом обыкновенно он выказывает точку зрения рассказчика - то есть себя времени тех или иных событий его жизни.

Исследование собранных текстов позволяет говорить о рассказчиках субъективных, обязательно наделенных точкой зрения по поводу описываемых событий и собственным отношением даже к самому явлению рассказывания о событиях своей или чужой жизни: *«Из всех вот восьмерых,*

один только я пришел домой. Ну, вот так и жили. Полная семья, большая. Дедушка, ну, ягоду собирали, грибы собирали, с дедушкой поеду в лес, короб, вот, как щас помню, рыжиков привезу, под сарай поставим, бабушка всю зиму варит, да стряпает пироги, да все, под сараем стоит короб рыжиков. Я это ну очень любил».

Все записанные повествования – мемуары людей от 55 до 92 лет, языковых личностей, носителей ангарского говора и формирующегося сибирского региолекта, описывающих реально произошедшее с ними, пережитое, а также события, пережитые их близкими: *«Вот они с ним убежали из Кежмы пешком. А я же его не видела никогда, он без нас был взят. И прибежал, мы дома сидели. А дедушка все ходил, там че то строгал, у него там корень был. А дома еще были дочь, которая не замужем была, и двое парней, с 30-го и 31-го года, те в армии-то не были, они дома оставались, остальные все вот. Девки замуж повыходили, ребята, значит, в армию забрали. Из всех вот восьмерых, один только пришел домой.»* Они пристраивают таким образом цельный рассказ о прошлом. Важно заметить, что не смотря на разницу в возрасте и социальном положении, каждый из информантов заинтересован в своем рассказе и ждет внимательного слушания от адресата.

Т.В. Шмелева утверждает, что для информативного типа речевого жанра характеристики **адресата** лежат в плоскости информированности, компетенции. Обращая внимание на ситуацию речи – интервьюирование собирателем адресанта – можно было бы предположить, что степень информированности адресата минимальна, но это не совсем верно. Адресат действительно не знает событий каждого из рассказов, но он знаком с ситуацией, породившей интервьюирование – это событие – переселение сельских жителей из зоны затопления Богучанской ГЭС, а также общая информированность интервьюера-адресата о качестве жизни в деревнях во второй половине XX века.

Следует добавить и характеристики оценочной коммуникативной цели – при этом очень существенно условие приемлемости оценки адресатом, рассказчик ожидает сочувствия, понимания: *«Я тебе говорю? Ну, нас бабушка-то заставляла собирать-то, а мы че, с Ванькой, маленькие были, на гору, в Паново.»*, *«Ладно, ты че? Он у нас еще молодым умер. Вот, так что это самое. Ну, мама тут деньги оп. Нам-то не перепадало. Ни мне, ни брату, Ване. А это все Юре перепадало. Юра там у нее, с этого был. Ему всегда все и доставалось, а мы вот голодали...представьте себе»*. Также жанрообразующим свойством обладают следующие параметры адресата:

1. Единичность/обобщенность. В нашем случае адресат единичен – это собиратель меморатов. Однако, учитывая высказанное нами предположение о рефлексивности меморатов, можно отметить, что рассказчик зачастую не обращает на адресата внимания уже после первой минуты с начала рассказа и полностью "уходит" в повествование.

2. Дальнейшее коммуникативное поведение адресата. Собиратель внимательно слушает и записывает на электронный носитель речь адресанта, после, по мере необходимости, задает вопросы, иногда комментирует рассказанное. После получения мемората начинается этап обработки текстов. Адресант знает об этом, также как знает, что его рассказы будут транскрибированы, и этот рассказ также будет использоваться при создании Ангарского Словаря. Благодаря этому договору рассказчик честен в своей истории, возникает ситуация полного доверия между адресатом и адресантом, даже если между ними нет устоявшихся доверительных отношений.

Под термином **диктум**, введенным Шарлем Балли, Т.В. Шмелева предполагает событийную основу высказывания, то же, что по М.М. Бахтину – "предметно-смысловая исчерпанность". При этом исследователь отвергает мысль о том, что модус, куда входит и семантика речевого жанра, легко и свободно может сочетаться с различными диктумами. Однако, изучение речевых жанров показывает, что такое представление слишком обобщенно – у

каждого из жанров свои требования к диктумной части высказывания [Шмелева, 1990].

Оценочные жанры, что важно, имеют отнесенность к настоящему и прошедшему, а информативные отличаются именно по временной перспективе описываемых событий и описываемое может помещаться и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Для меморатов в информативной их части характерно описание прошлого. Это доказывает употребление форм прошедшего времени глаголов: *«Вот у мамы последние маленькие умерли, оба от родного отца которые были, мы вдвоем с братом остались. И потом, мы жили у бабушки, дедушка работал, а эти парни, пацаны-то подрастали младшие, они-то были почти ровесниками»*. Описаний предполагаемого будущего в текстах не наблюдается — рассказываемое мыслится повествователями завершенным.

В оценочной части же наблюдается отнесенность высказываний к прошлому: оценка событий; оценка мнений, мыслей персонажей, в том числе и самого рассказчика: *«Ужас! Я как вспомню, это вообще страшно»*, *«Ты посмотри, как они там все гибли-то... Вот говорили, что русские живучие все...не так то было! Умирали все, в войну, тяжело было»*. Существенен и количественный аспект диктума. Воспоминания обычно полисобытийны: *«Он сначала приехал молодым, работал там, а потом у нас стал этим...начальником стал, работал, потом ушел с должности-то, только на себя и работал.»*, *«Осталась одна. Танька, дочка, где-то в Красноярске живет, сын я не знаю где, тоже в Красноярске живет, ну вот»*, *«У мамы была подружка, Каисия ее звали и вот у них отец погиб. Погиб, было извещение, что он погиб, его нету. А она умерла перед концом войны. Ну, они остались сироты, двое, они жили напротив нас, где мы у бабушки жили. А у них была тетка, отцова сестра. И вот там всей деревней, не плакать хочется, когда... им помогали»*. Обыкновенно это ряд хронологически расположенных событий, но часто хронология нарушается. Частотна

ситуация, когда один меморат перетекает в другой, прерывается, рассказчик возвращается к первому.

Следуя мысли М.М. Бахтина о том, что каждое отдельное высказывание – звено в цепи речевого общения, следует заметить, что изучаемые нами тексты принадлежат к жанру, где предполагается монологическая форма высказывания, и когда ситуация общения построена искусственно (информант-собираатель). Из этого следует, что изучаемые нами рассказы относятся к жанру рассказов без прошлого. **Фактор прошлого** работает в таких рассказах только после наводящих вопросов собирателя.

Фактору будущего М.М. Бахтин также уделял много внимания: «высказывание с самого начала строится с учётом возможности ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создаётся» [Бахтин, 1997]. При этом для него важно разделять будущее событийное и будущее коммуникативное. Фактор будущего не должен играть особенно важной роли в меморатах из-за того, что собраны они были в искусственно созданной ситуации, но важен потому, что рассказчики ждут того, что их истории будут использованы, останутся в памяти потомков в виде словарей, книг, научных работ: *«Так и было. Так что, я говорю, если про нас вот, гору, писать книгу, то вот, так это ни в какую книгу не уложиться, как мы жили».*

Вопрос о языковых приметах, **формальной организации** важен для осознания речевого жанра. Т.В. Шмелева считает, что полагаться только на данные грамматики и лексики в изучении формальной организации нельзя – область однозначных соответствий не слишком велика. Она предполагает важным выявлении системы репрезентации каждого речевого жанра, в которой должны быть учтены прямые и косвенные репрезентации, а среди них – клише и конструкты.

Мемораты в большинстве своем можно разложить на несколько пунктов, явно выделенных диктумом: выделение действующих лиц, рассказ о том, как они жили, иногда – некая нарративная кульминация, выход из мемората – междометия, размышления. Важно заметить, что рассказчик

часто делает акцент не только на важности описанных событий для его героя (самого рассказчика прошлого), но и на важности их как фактов прошлого сейчас. Вот яркий пример такого мемората: *«Вот у мамы последние маленькие умерли, оба от родного отца которые были, мы вдвоем с братом остались. И потом, мы жили у бабушки, дедушка работал, а эти парни, пацаны-то подрастали младшие, они-то были почти ровесниками. Я с 34-го, а они, один был с 31-го, второй с 32-го. Погодки, мамыны братья, младшие которые были. Вот я с ними и росла. И вот брат мой с 36 года. На папу пришло извещение, погиб, пропал без вести, так было написано. Нам ни че не платили, так как пропал без вести, значит где-то мухлевал. <...> Потом мама в сорок пятом вышла замуж у нас, тоже с войны пришел мужчина, полковой, увез нас сюда, мама еще родила ему четверых детей. Из всех младшие тоже умерли. И вот нас осталось у мамы двое, от того отца и от этого отца. Щас вот все умерли. Еще младшая сестра у меня осталась, на 16 лет меня младше. <...> Ты посмотри, как гибнут-то».*

Содержательный аспект исследуемого материала крайне разнообразен, но все это разнообразие можно типологизировать.

Не во всех текстах присутствует описание времени и места событий, так как место определено заранее – это практически всегда поселки и деревни из зоны затопления Богучанской ГЭС. Время описываемых событий не всегда указывается прямо – это либо детство, либо некое абстрактное прошлое, где рассказчик является уже зрелым человеком: *«Вот мы запомнили, шо она Маша Панова. А кака была, мы даже понятия не имеем. Потому что мы дети, нам не интересно было. Вот. А кто, кто может знать, кто. Никого и нет уже, кто мог знать ее фамилию. было как», «Отец с матерью работали, как Карлы, за растрату, не следили за этими, за ребятишками, они были приставлены сами себе. А как раньше называли, враги народа», «Это было в Паново. В писят, писят третьем году, наверно. В марте месяце. Потому что потом Пасха была, и мы качались,*

они гуляли, а мы качались и пели, песни пели, на качелях качались» (Кеж.: Козинск).

Представляет интерес повторяющийся мотив смерти: «А кто, кто может знать, кто. Никого и нет уже, кто мог знать ее фамилию. Дядечка Андриан умер, дядечка Осип умер, тетя Отисья умерла, тетка Хонья умерла...», «Вот недавно, когда тех же уже по новому вывозили, уже переселяли сюда, это самое, повсюду. Она лежала, нет, я умру тут, буду с Шурой вместе. Не думали, что будут выкапывать-то. А потом, как похоронили, потом как дали, дали приказ-то, что выкапывать-то, и их вот потом вместе с Марусей выкопали, да Шуру-то. Так-то его надо было где похоронить-то», «Автобус подошел, ну, мы с теткой Машей пообнимались, поцеловались, она вот только, сколько... Два или три месяца прожила и умерла. Вот» (Кеж.: Козинск).

Один из самых типичных приемов в повествовании – сравнение прошлого и настоящего: «А как раньше называли, враги народа. Попробуй-ка, останься дома, ты че, статья», «Вот, это самое, когда появились первые миллионы, когда это, заменили деньги на это, на миллионы. И вот я им тогда 10 миллионов отправила, на похороны, там, как сообщили, что это самое... И я отправила. Какая-то, это самое, женщина была там его. И все, и с того времени, ни слуху, ни духу и ничего. Я получку получила и все, отправила, на этом конец», «А раньше кого спрашивали? Нет, ты скажи, раньше кого спрашивали? Ну, вот так вот, раз родители сказали – пойдешь за него, и все, и вот. Ты слова не скажешь. Он-то над ней, это самое», «Я говорю, я понятия не имею, о самогонке, как ее, ну, там вот шампанского или водки еще могу выпить. А вот это дело, я никак. Так что, вот это самое, вот такие пироги у меня были» (Кеж.: Козинск).

Тексты, исследуемые нами в данной работе – мемораты, можно отнести к смешанным по коммуникативной цели, они включают в себя информационную и оценочную цели. Эта принадлежность обнаруживается в самом определении мемората как устного текста – воспоминания человека о

личной судьбе, или воспоминания о людях, с которыми его связала жизнь, воспоминания о конкретных фактах, событиях, которые воспринимаются как достоверные и основанные на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения. Основной задачей рассказчика становится повествование, о чем бы то ни было. Также коммуникативность по цели закладывается и самим типом получения рассказов – сбором материала для работы посредством интервьюирования, когда спонтанное речепорождение сменяется рассказом на заданную тему. При этом искусственность созданной ситуации важна тем, что собиратель рассказов может некоторым образом влиять на ход повествования, например, задавать наводящие вопросы. Однако мы старались не злоупотреблять этой возможностью и практически все собранные тексты представлены цельно, в форме монолога рассказчика.

1.3.1. Языковая экспликация прошлого в ангарском меморате

Тема прошлого в ангарском меморате играет ключевую роль, поскольку данный жанр актуализирует в себе вербализацию прошлого опыта, являясь не только важнейшим компонентом речевого диалектного общения, но и средством сохранения и передачи наиболее значимой информации. Языковая экспликация прошлого в меморатах выражается на двух уровнях: смысловом и грамматическом.

1. Смысловой уровень включает в себя точную временную характеристику – информант отсылает нас в повествовании к конкретным датам в прошлом: *«Молодых всех в сорок первом году забрали, мы остались ешо, молодых увезли – там остались. В сорок втором году опять забрали»*(Кеж.: Козинск); *«У меня брата взяли в сорок первом – с двадцать первого года, а потом и младшего- ему дали с двадцать пятого года в сорок втором»* (Кеж.: Козинск), а также указание на прошлое вообще (неопределенное). Основной языковой маркер неопределенного прошлого –

наречие *давно*. Например: «Ой, **давно** это было, я уж и не помню...не было дезертиров...» (Кеж.: Козинск);«Праздники? О-оу, к праздникам-то готовились, гото-овились. В избе мелешь всё. Стирала половики, всё. Особенно к Пасхе ко Христовой – всё! Но ток это **давным –давно** было, сейчас-то уж такого нет...» (Кеж.: Заледеево);«А рыбы скока погибало. Много, ой, много. москитов травили... стали травить, дак рыбы сплошь **давным-давно** было» (Кеж.: Заледеево).

2. Грамматический уровень включает в себя:

А) Грамматические средства, выраженные с помощью глагольных форм предиката *быть*. Например: «Нам некогда **было** бегать. Надо **было** мамя помогать» (Кеж.: Козинск);«А люди-то хорошие **были**. Люди-то очень хорошие **были**»(Кеж.: Заледеево);«А они чё... нормальные **были**. Как-то вот один к Пушкину вот ходил: не помянуть **было** добром!» (Кеж.: Козинск); «**Были, были**. Но их не так много. Но **были**. Их я тоже немного помню. Когда война началась, мне **было** восемь лет, и потом.. ну где-то их в это время.. наверно их попозднее что-ли их...» (Кеж.: Козинск);«У меня брат **был**, ходил, и вот он пришёл с армии, пришел и мы счастливы **были**, девочки, ой счастливы!» (Кеж.: Козинск);«Мы приехали – у нас много старух **было**. Тама хорошо **было** – все, бл*ть, умерли. Все умерли, старухи-то» (Кеж.: Заледеево). Также используется наречие *тогда*: «Ну, **тогда** москитов не было – мы два года в одних трусах работали летом. Не было москитов, вот, никто не кусал. Вот, только что **тогда** же всё равно люди-то лучшие **были**»(Кеж.: Козинск).

Б) План прошлого даже в одном небольшом фрагменте диалектного текста активно выражается с помощью наречий с временной семантикой *как-то*, *раньше*, *ранешно*. Например: «Уй, там много привозных каких-то. **Раньше**много сосланных было»(Кеж.: Заледеево); «Женица померла у нас **как-то**.. ну скорбно провожают, наши не поют на свадьбах, нет» (Кеж.: Заледеево); «А **раньше** всё было: налим, окунь, щука, елец, сорога. Потом что ещё: стерлядь, осетры – это всё...» (Кеж.: Козинск); «Дру-ужно было.

Ранешно как было, весело было» (Кеж.: Заледеево). Данные слова обладают широким семантическим объемом – указание на прошлое вообще. Также встречается намеренное использование данных лексем с особой коммуникативной целью: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется с существующим в настоящее время. Об этом свидетельствуют следующие примеры: «О-ой, **раньше-то** хорошо... Бедно жили, но хорошо. А **чичас** чё – багхатство! Багхатство с ума сбило всех!» (Кеж.: Кодинск); «**Раньше** времена-то лучше были... Как-то мы **раньше**..как вам сказать.. **щас** вот..вот я на своих детей посмотрю, они **раньше** соберутся там человек пять-шесть, всё – у них компания. А у нас **раньше** в деревне по тридцать, аж по сорок человек собирались компании» (Кеж.: Заледеево); «...ну а как же! Грибы, грибы! Знаете, сколько **раньше** грибов, ягод было! **Щас-то** я одна живу, по-грибы ну когда приезжают дети, если **в то время** есть грибы или ягоды – набирают, ходят, а так, одна» (Кеж.: Заледеево).

В текстах лексика с пространственным содержанием насыщена темпоральным значением и отсылкой к прошлому. Например, пространственная координата «деревня» получает темпоральное наполнение в контекстном сочетании с лексемой «давно», «когда-то», «тогда»: «Жили мы в Проспихино. Это самое...была...**деревня когда-то**. Ой-ей, **давно** это было, **деревнятогда** ешо жила!»(Кеж.: Кодинск).

Темпоральное наполнение в текстах приобретает лексема «война»– в речи рассказчика лексема употребляется в измененном значении – как конкретное историко-памятное событие, Великая Отечественная Война 1941– 1945гг.: «Вот, объявляют: так и так, началась **война**. Фашисты они были, **война-то**была. Когда **война** началась, мне было восемь лет...» (Кеж.:Кодинск).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В ходе исследования научной литературы по коммуникативной диалектологии установлено, что данное направление сложилось на рубеже тысячелетий, его главной задачей является изучение диалектных текстов и высказываний в различных аспектах. Выявлено, что повествовательные тексты диалектного дискурса обладают такими чертами, как информативность, антропоцентричность, эгоцентричность и событийность.

В результате изучения основных работ по устным меморатам выявлены различные исследовательские подходы: формально-семантический (объединяет системно-ориентированный, лингвоцентрический, текстоцентрический, синтаксический, семантический, стилистический) и коммуникативный (объединяет психолингвистический, когнитивный, антропоцентрический).

В настоящей главе были описаны жанровые признаки мемората. Меморат выделяется нами как отдельный жанр по следующим признакам:

1. Образ рассказчика в меморате – субъективен, всегда наделен своей точкой зрения на описываемые им самим события, которые происходили с ним, или с людьми из его окружения.
2. Речь в меморатах эмоциональна. Обычно это положительная оценка детства и «людей прошлого» и отрицательная оценка самой жизни, быта;
3. В различных текстах можно увидеть тексты, построенные по определенной схеме: выделение действующих лиц, рассказ о том, как они жили, иногда – некая нарративная кульминация, выход из мемората – междометные высказывания, размышления;
4. Мемораты зиждутся на неповторимости человеческой судьбы, рассказчики повествуют о самых разных жизненных ситуациях, однако в них частотен мотив смерти;
5. Мемораты можно назвать отдельным речевым жанром с информативной и оценочной целями и элементами рефлексии.

В ходе исследования выделены языковые единицы экспликации прошлого в ангарских меморатах на двух уровнях: 1) смысловом (включающую точную временную характеристику и на указание прошлого времени вообще); 2) грамматическом (выраженные с помощью глагольных форм предиката *быть* и с помощью наречий с временной семантикой *как-то, раньше, ранешно*. Выявлено намеренное использование данных лексем с особой коммуникативной целью: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется с существующим в настоящее время.

ГЛАВА 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УСТНОГО МЕМОРАТА СТАРОЖИЛОВ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

2.1. Тема текста: вопросы теории

Текст как объект лингвистического анализа стал рассматриваться учеными только в середине XX века, до этого являясь лишь материалом для изучения функционирования в нем различных языковых единиц. В связи с этим, в 70-е годы XX столетия в языкознании начинает формироваться и активно развиваться новая научная дисциплина – лингвистика текста. С позиции данного направления текст стал рассматриваться как самостоятельная, особая речевая единица, как сложный языковой знак. Теоретико-методологические основы лингвистики текста в России закладывали такие ученые, как Н.С. Валгина, Н.С. Болотнова, Т.М. Николаева и др., внесшие большой вклад в развитие дисциплины и благодаря которым возникли многочисленные варианты теории текста, каждый из которых отличается глубокой научной проработкой. В настоящее время существуют разные трактовки понятия «текст», и, по мнению Н.С. Валгиной: «это не только свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что сам феномен текста предполагает многоаспектность его изучения» [Валгина, 2003:6].

Лингвистика текста, образовавшись на стыке ряда наук, и имеющая в основе тысячелетний опыт интерпретации текста представителями разных школ и направлений, в своем становлении прошла три стадии развития. [Щирова, Гончарова, 2006]. Сегодня четко обозначились направления, по которым идет развитие лингвистики текста. Эти направления отличаются друг от друга точкой зрения на проблему текста, подходом к его описанию и конкретной методикой анализа. Л.А. Бабенко выделяет важную черту современной лингвистики текста – полипарадигмальность, которая «обеспечивает анализ объекта по разным направлениям, т.е. в разных

парадигмах знания» [Бабенко, 2006: 25].

Многие ученые отмечают, что сегодня лингвистика текста (и в целом лингвистика) развивается в русле антропоцентричных парадигм научного знания. Важным становится признание значимости человеческого фактора в языке, что повлекло за собой появление новых тенденций в изучении текста, а также преобладание коммуникативной и когнитивной модели представления текста.

Именно антропоцентрическая парадигма обусловила выделение новых подходов в изучении текста: помимо уже существующих подходов (лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический, когнитивный) на современном этапе выделяются следующие: собственно текстовый, синтаксический, стилистический, семантический, коммуникативный, психолингвистический [Косицина, 2013: 21]. В данной работе мы опираемся на установки формально-семантического и коммуникативного подхода к исследованию текста.

Ключевым понятием данной главы является понятие «тема текста». В языкознании существует большое количество работ, в которых тема текста исследуется в том или ином аспекте. Наметились два различных подхода в осмыслении данного явления: литературоведческий и лингвистический.

При литературоведческом подходе толкование темы связано с сущностью произведения как целого и определяется как «некая установка, которой подчинены все элементы произведения; некая интенция, реализуемая в тексте» [Жолковский, 1975: 150]; тема связана с такими терминами, как «идея», «сюжет», и рассматривается в содержательном и формальном аспекте. Однако, как заметила М. Разинкина, при данном подходе тема опирается с интерпретацией художественного произведения, практически без опоры на данные языкового анализа [Разинкина, 1989: 151].

При лингвистическом подходе данный термин толкуется по-разному. Некоторыми лингвистами тема связывается с актуальным членением предложения на тему и рему; в своем втором значении термин «связывается с

смысловой структурой (целостностью) текста, которая разным авторам называется по-разному: «семантическое пространство текста», «тематическое единство текста», «денотат текста», «концепт текста», «макропропозиция текста», «глобальная когерентность» и т. д.» [Тырыгина, 2007: 93].

В русле лингвистического подхода выделяются разные аспекты исследования темы текста:

1. Формальный аспект, сущность которого – исследование темы в плане словесного выражения сквозь призму адресата, т.е. с точки зрения воспринимающего текст, и выражение темы здесь связано с понятием «топик» («обобщенная смысловая тема высказывания, «центр внимания», как то, с помощью чего указывается тема текста» [Ли, Томпсон, 1982: 201]). Топик вычленяется в тексте благодаря ключевым тематическим словам. По Н.С. Валгиной единство темы проявляется «в регулярной повторяемости ключевых слов через их синонимизацию или повторную номинацию» [Валгина, 2003: 45].
2. Семантический аспект, сущность которого – исследование темы в плане содержательном с точки зрения адресата. «В указанном аспекте рассматривается связь данного понятия с понятием «денотат», «значение», «содержание», «смысл» [Косицина, 2013: 34]. Исследователи в этом направлении – О.И. Москальская, А.И. Новиков.
3. Коммуникативный аспект, сущность которого – исследование темы в содержательном плане с точки зрения адресанта, т.е. человека, создающего текст. С данным направлением связаны понятия «речевое сознание» и «фокус вниманияговорящего».

Вслед за Ю.В. Косициной мы понимаем тему в коммуникативном аспекте как «факты окружающей нас среды, намеренно выбранные говорящим, поскольку находятся в актуальной для адресанта позиции» [Там же].

Напомним, для данной работы целесообразным предполагается

объединение первых двух аспектов, получая в результате формально-семантический аспект, в русле которого в данной работе и будет проходить исследование.

2.2. Тематическая организация ангарского мемората

Выявление сути понятия «тематическая организация» текста является актуальной для нашего исследования. Определение данного феномена неразрывно связано с семантической организацией текста (в нашем случае – диалектного), в которой исследователи дифференцируют две четко различимые структуры – семантическую и тематическую. Обе структуры являются основой содержательной стороны текста. Не смотря на сходный компонент обеих структур, а именно – построение её на основе системы номинаций, образующих, в свою очередь некую номинативную цепочку, семантическая и тематическая структуры представляют содержательную структуру текста в разных аспектах. Семантическая структура выражает семантику на лексическом уровне, являясь связующим звеном элементов лексического уровня [Болотнова, 2006: 451].

Тематическая структура, в свою очередь, выражает конкретную коммуникативную установку автора текста (адресанта), и в зависимости от говорящего и направленности его речевого сознания, находятся все уровни и единицы данной структуры.

В данной работе мы будем придерживаться определения, данного Ю.В. Косициной: «Тематическая структура – это обусловленная фокализацией совокупность выраженных средствами языка объектов действительности (денотатов) в определенной иерархии, являясь инвариантом тематической организации» [Косицина, 2013: 39]. Свойственные тематической структуре текста лексико-тематические группировки объединяют слова по тематическому принципу, основываясь на общности семы.

Анализ тематической структуры предполагает идентификацию

темы текста на основании его номинативного анализа – выделение номинационных цепочек. Исследование мемуаров старожилов Нижнего Приангарья в данной работе проводится в русле формально-семантического аспекта, что предполагает понимание темы как особой последовательности номинаций, компоненты которого объединены особыми отношениями – логико-семантическими и лексико-грамматическими средствами связи.

2.2.1. Методика тематического членения диалектного монологического текста

Наличие многообразия текстов различных типов подразумевает разнообразие способов и подходов в исследовании их смысловой структуры и тематической организации. Так, при анализе устной разговорной речи применяют метод тематических сеток (Арнольд, Кулачко), метод прагматической направленности при изучении медиа- и рекламных текстов и т.д.

Исследования тематической организации текстов на основе диалектного материала, проводимые такими учеными, как В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова, Е.А. Юрина, Л.С. Толстова, позволяют наметить два основных подхода к тематическому членению диалектного текста. Первый подход реализуется в выделении широкой тематической разметки, при которой корпус текстов условно разделяется на тематические блоки по принципу тематической рубрикации. Вторым подходом называется, соответственно, узкая тематическая разметка, при которой выявленная тематическая структура широкой разметки подвергается дальнейшей детализации и «конкретизации смыслового объема широких тематических блоках» [Гольдин, Крючкова, 2006].

За единицу тематического анализа берется отдельный монологический текст (в жанре мемуаров), принадлежащий одному информанту. Текст подвергается тематическому членению, в основании которого лежит принцип

линейности, который помогает наиболее отчетливо проследить процесс текстообразования (линейная подача информации определяет внешнюю структуру текста и помогает проследить развитие семантической структуры текста): в тексте выявляется номинационная (тематическая) цепочка, которая выделяется с учетом семного повтора, «объединяющего лексемы на основе их «проблемной, понятийной, предметной, событийной и т.п. общности, сводя их семантическую гетерогенность к общему семантическому знаменателю» [Гольдин, Крючкова, 2006]. Номинационная цепочка не ограничена в количестве, выявляется в разных количествах и независимо от этого представляет собой единицу вхождения в тему. Элементом номинационной цепочки может быть словоформа, словосочетание или предложение.

2.2.2. Основания для классификации тем ангарского мемората

В ходе исследования выявлены различные критерии для выделения и систематизации тем ангарского мемората:

1. По отношению конкретного к общему: прошлое и настоящее, работа, дорога, превратности судьбы, я-говорящий, жизненные трудности, жизнь села, семья.

Для мемората старожилов Нижнего Приангарья характерны следующие темы: работа, жизнь деревни, семья, промыслы, свои/чужие и т.д.

2. По характеру возникновения темы: фиксированные и нефиксированные (спонтанные) темы.

Фиксированные темы задаются интервьюером в форме специальных, заранее продуманных вопросов с целью выяснения конкретных фактов и событий из жизни диалектоносителя. Нефиксированные темы воспроизводятся говорящим без наводящих вопросов, без какого-либо воздействия со стороны собеседника.

Фиксированными темами в большинстве случаев являются темы

«Дорога», «Семья», «Жизнь деревни», «Работа», спонтанными – темы «Превратности судьбы», «Жизненные трудности».

3. По количеству вхождений темы ангарского мемората подразделяются на: частотные и нечастотные темы.

«По признаку «частотность / нечастотность» можно охарактеризовать как мемораты отдельного информанта, так и темы диалектного дискурса в целом» [Косицына, 2013: 67].

При анализе диалектного корпуса текстов, тема определяется диалектологами частотной, если она упоминается диалектоносителем в 50% случаев из ста. Такими являются «Семья», «Жизнь деревни», «Работа». Темы нечастотные – «Превратности судьбы», «Я-говорящий».

4. По степени независимости от других тем: самостоятельные и фоновые темы.

Темы, представляющие собой отдельный предмет высказывания обозначаются самостоятельными (обычно к ним относят темы «Судьбы», «Работа», «Семья», «Жизнь деревни», «Жизненные трудности»). Многие темы могут находиться как в фоновом пространстве, так и самостоятельном.

5. По характеру развития: активные и пассивные темы.

«Пассивные темы – темы, имеющие стандартный, простейший характер развития: представлены номинационной (тематической) цепочкой. Активные темы – это темы, развивающиеся в самостоятельное высказывание, отдельный сюжетный рассказ со всеми композиционными элементами: завязкой, кульминацией, развязкой. К числу активных тем в диалектном тексте относятся темы семья, жизненные трудности, превратности судьбы, жизнь села» [Косицина, 2013: 69].

2.2.3. Тематические уровни ангарского мемората

Исследования на уровне тематической организации текста проводились многими лингвистами (Пэн, 1991; Иванова, 2000; Сибирякова, 1997 и др.) на

различном материале, с разными целями и трактовками базовых понятий (таких как тема, текст, семантическая организация текста), что в совокупности обуславливает наличие различных точек зрения на определение уровней тематической структуры текста.

Ученые, исследуя тематическую организацию разговорного текста, выделяют в ее структуре гипертематический («гипертема рассматривается как тема, обуславливающая тематическое единство комплекса текстов и тематический уровень» [Яркина, 1995: 7]; «тема, объединяющая разнородный тематический план одного текста» [Кормилицына, Сиротинина, 1999]). Изучая тематический уровень различных текстов, исследователи обличают предельную политематичность разговорного дискурса. П.И. Егорова, исследуя особенности тематической структуры литературно-критического эссе, говорит о том, что отдельные аспекты гипертемы последовательно раскрываются единицами, находящимися на более низкой ступени иерархии- темой, подтемой, «далее детализация и конкретизация подтемы происходит на уровне субподтем и – далее – микротем» [Егорова, 2014: 7].

Обобщая различные точки зрения на построения уровней организации текста, можно вывести следующую схему, которая отражает многообразие подходов к тематической структуре текста:

Гипертематический уровень (единица- гипертема)

Макротематический уровень (единица-макротема)

Супратематический уровень (единица-супратема)

Тематический уровень (единица-тема)

Подтематический уровень (единица-подтема)

Субподтематический уровень (единица-субподтема)

Микротематический уровень (единица-микротема)

Исходя из трактовки и понимания каждого уровня, сделаем уточнение для тематической структуры диалектного монологического текста не свойственно такое звено иерархии, как макротема и супратема, поскольку диалектный текст признается политематическим, общей темой объединено большое количество текстов, что не совпадает с трактовкой понятия «макротема» и «супратема», для которых свойственно объединение небольших (часто двух) относительно законченных текстов.

Низшие же уровни (подтематический – микротематический) дифференцируются в тексте в зависимости от конкретизации и дальнейшего разложения тематической цепочки на номинации, соотносящиеся с темой, связанные с предметом повествования и представляют различные факты из жизни рассказчика. Данные единицы соотносятся друг с другом как общее и конкретное.

Таким образом, для диалектного ангарского текста свойственна следующая схема членения тематической структуры:

Гипертематический уровень (единица- гипертема)

Тематический уровень (единица-тема)

Подтематический уровень (единица-подтема)

Микротематический уровень (единица-микротема)

Далее будут выделены различные тематические структуры меморатов старожилов Нижнего Приангарья.

2.2.3.1. Тематическая структура «Семья»

Данная тематическая структура в меморатах представлена наиболее ярко, что является показателем значимости темы «семья» для сознания русского человека. В данной тематической структуре выявляются гипертематический, тематический, подтематический и микротематический уровень (в некоторых случаях подтемы соотносятся с большей частью микротем), представляя тем самым и четырех- и трехуровневую иерархию структуры.

Тема «Семья» маркируется словосочетаниями со значением количества: *семь человек, семья большая была, вся семья, нас много было, нас двое* а также местоимением *мы* (в конкретном контексте). «**Нас много осталось, семь человек осталось. Раньше семьи-та большие были, все вместе жили поживали. Делили горе, радость, все вместе**» (Кеж.: Иркинеево); «**Я вот как сейчас помню, у нас семья большая была, и мама всё говорила: " Ой, леший надавал мне вас, леший надавал"**» (Кеж.: Иркинеево); «**Нас же много было <...> с каждым годом даже больше становилось, а потом вот мамы не стало, а нас осталось семь человек...**» (Кеж.: Иркинеево); «**...было нас двое, один в армии, убили, другой совсем спился было, оставались мы с сестрой вдвоем. Вот так вот, была совсем уж больша семья, а осталось уж нас вдвоем...**» (Кеж.: Кодинск); «**Стирать надо, вся сямья была, большая была, надо было каждому что-то по дому –то и делать... никто в семье без дела не сидел, каждый пользу должен был приносить...**» (Кеж.: Кодинск).

Согласно исследованию Т.В. Матвеевой, составляющей тематического поля текста является тематическая (номинационная) цепочка, «базовые номинации которой проходят через весь текст и являются представителем темы текста» [Матвеева, 1990б: 18]. Дополнительные тематические цепочки образуют подтематический и далее микротематический уровень и определяют их объем. Таким образом, проанализировав корпус текстов-меморатов с доминирующей темой «Семья» и выстроив дополнительные тематические цепочки, мы пришли к следующей иерархии уровней данной

структуры:

1) подтема «Родственные отношения» связана с воспоминаниями ангарцев о своих как кровных (микротемы «Отец», «Мать», «Бабушка», «Дедушка», «Дети», «Брат», «Сестра»), так и некровных родственниках (микротемы «Муж», «Мачеха», «Свекровь», «Теща» и т.д.), в которых они вспоминают значимые моменты их жизни, события, являющиеся важными для самих информантов. Так, микротемы «Отец» (папа, тятенька, тятя) и «Мать» (мама, маменька) выражены одноименными лексическими маркерами и представлены в следующих фрагментах: *«Папа у нас хороший был. Ответственный мужик, такой на всю деревню один был! Все бабы завидовали, как придешь, помню, на гулянья то в детстве, про отца мого говорят! Так цены ему не было. Вот. А во время войны забрали папу... и все. Ни слуха ни духа, понимаете ли... горевали мы, но ждали папу. А потом на папу пришло извещение: погиб, пропал без вести, так было написано... Плакали, плакали-горевали всей деревней...»* (Кеж.: Кординск); *«...папу не видела, как родилась.. на войну забрали, а потом явился. А у нас, если папа явился, дак он, инвалид. Ну, первое-то время не работал, на это самое. У нас у папы, вот я че хочу сказать, пришел с армии, если руку вот так сделать, то вот это место у него вот здесь шишка вот такая <...>. Но ведь он у нас работал, физически, на катерах ходил, кули таскал, вот эти центнеровые и все на свете, и дрова это, это самое. Ну, все ведь на папе было, кого говорить-то...»* (Кеж.: Заледеево). Стоит отметить, что доминирующей информацией в ангарских меморатах об отце являются воспоминания о жизни отца до и после войны, акцентируется внимание на тяжелую и, порой, искалеченную физически жизнь после окончания войны, по прибытии в родное село. Микротема «Отец» в текстах имеет зону пересечения с темой «Война» и характеризуются ярко выраженной эмоциональной доминантой. Рассказчик демонстрирует чувство жалости и горести по тяжелой жизни своих родителей.

Типичным контекстом в текстах о матери являются воспоминания об

одинокости матери, о потере мужа-кормильца и, следовательно, о тяжкой работе, поэтому микротема «Мать» часто имеет пересечение с микротемами «Работа по дому», «Работа на предприятии» и т.д. *«Мать? Так за курицами ходила, да они раньше ездила за треской, а потом в совхозе на такой работе работала...никакой-то грамоты не имела. Мать жила в Поворокте, там у ей муж был, и детишки были. Но муж умер и у ней двое: парень и девка. Потом мать переехала и вот и тятю встретила, сошлась с ним...так и жили...»* (Кеж.: Паново); *«И вот, отца-то не стало, мама одна осталась с нами двумя. А мама в доярки пошла работать. Утром рано уйдет ...<...> Вечером поздно мама обратно приедет. А утром опять уедут в четыре часа. Молоко сдадут на молочну. Час-два дома побудет, опять поехали/<...> и мать все наказывает перед уходом, а мы маме помогли, как не помогать-то было... Все надо делать»* (Кеж.: Козинск).

Микротемы «Дедушка» и «Бабушка» представлены соответственными номинациями *бабушка (баушка), дедушка (дед)*, а также *старик и старуха*. Данные микротемы в мемуарах часто пересекаются с темой «Работа», из чего можно заключить, что бабушки и дедушки информантов практически всю свою жизнь отдавали работе, труду, что составляло жизненный уклад села того времени. *«И работала бабушка, работала бабушка...сильно много работала. У неё мужа забрали на фронт, и он так и не вернулся...еще в Гражданскую. И папа то ееработал, и сестра – тётка работали, вот и бабушка трудилась всю жись. Картошку копала, рук не жалея...все копала, копала, нас ведь и кормить надо было! Вот такая баушка у меня была»* (Кеж.: Козинск); Также данные микротемы имеют зону пересечения с микротемой «Раскулачивание»: *«У баушки с дедушкой свое хозяйство, магазины были. Они достаточно не бедные были ...вот... Потом ихраскулачили, потом увезли в Простихино. Печку забирают “Вы”, говорит, “дайте, ребятшек пожалейте, замерзнут”. А печку уж оставили, потом дом перевезли...»* (Кеж.: Козинск); *«Дед Улаев был кулаком, он сам их... Савино, деревня Савино, одна из старинных деревень.*

Ну как **кулаком**... Скота держали, зажиточно жили... Вот, и он-то мне, а мне-то интересно вот, как, да чё, я грю: ну-ка, дедушка Витя, расскажи-ка мне, как вы жили да поживали? Ну интересно же, да, про ту-то жизнь. Ой, **грит,раскулачивали**, да сюда, забрали, даже, говорит, с Анной потники **взять не успели-та....**» (Кеж.: Кодинск); «Дедушку с бабушкой **раскулачили**, ну, я уже начинала разговор. Ну их как **рускулачили** вот два, один, два дома в одних сенях было, это значит вот. Коровы были, свиньи. Пять-шесть штук было. Всё, они уже считались **кулаки**, их **раскулачивали**. Отмена во всем. Приходили, забирались...» (Кеж.: Заледеево).

2) подтема «Межличностные отношения»отражает отрефлексированные воспоминания ангарцев о жизни бок о бок с близкими людьми или же с некровными родственниками. Отметим, что практически каждая выделенная нами микротема характеризуется набором специфичных номинаций, более полно отражающее отношение говорящего к повествованию. Так, выделенная нами микротема «Отношения со свекровью»выражается членами тематической цепочки добрая, дружно жили, хорошо жили, не обижала, хорошая женщина и т.д. «Ну как Сазонов говорит-то: о-ой, **свекровь-то**... человек-то, никому вреда-то, зла не сделала, **добрая**, до сих пор вот я её баба Таней называю, **хороший человек**, да, **хороший**. Вместе-то жили года три, наверное. Дома была чистота и порядок и уют, как бы это было всегда. А к лету обязательно белили. Обижать меня **не обижала**, пусть попробовала бы, космы бы повыдергала бы. Нормально, **дружно жили мы**, вот. Ну и чё» (Кеж.: Кодинск);«С мужем-то моим сошлись мы ..Ой, да Бог знает когда..не помню уж. Ну до войны, до войны еще сошлись! Вот да..да как сошлись –сосватали и все тут. Отправили жить на чужу сторону. Жили в доме, с большой семьей...у его то и братия, и сестры..и я тут...только приехала, так со свекровью познакомилась. Ну, девоньки, вот **сосвекровью** то мне повезло! Хороша женищина была, добросовестная! Никогда ни слова плохого-то мне не сказала, как дочь свою любила, вот как бывает! Уж порой казалось, что ее то я и люблю и из-за нее то от мужа-то

не ухожу, вот оно что...» (Кеж.: Кодинск).

Микротема «Отношения с мужем» в текстах представлена как в **светлой**, так и в **темной** тональности. Приведем пример светлого текста: *«Вот с мужской то моим как я начала жить...ой какие у нас то отношения были!<...> Приехала я, живем месяц, другой, а потом говорю «Маменька, я не буду жить»...чего святая сила, чё с ним будешь...Гришка **смирный, работат**...всё воду возит, дрова везёт, а она это говорит он ко мне все равно даже...даже не лезет ко мне и не просит у меня и никого... «Старик», - старуха говорит старику, -«старик, дак ты чё не подучишь Гришку-то, чтоб он кого-нибудь с жаной-то делал?...А тятя то его потом говорит: «Гришка, ты чё с бабой-то никого»... «А кого тятя я делать-то?» «Дак ты хоть ее щупай ...исчи в шерсти-то у неё, коль, ночью-то»... «Ага, тятя, сегодня буду». А потом тятя-то его говорит:лягли, тут старуха говорит «Тише, старик, пускай Гришка там мучит кого-нить», а они там за печкой тада палати были и всё там за печкой слышат...кто-то забрякали лопаты... «Гришка, ты кого делаешь?-Я ишу, тятя в шерсти<...> Давай, старуха баню топить, сейчас я пойду Гришку учить.. ну так научился! **Душа в душу жили!**»* (Кеж.: Кодинск). Пример темной тональности: *«...восемь лет работала я на дойке. На дойке мы и познакомились с **мужем-то** моим. Тринадцать лет прожили для двоих. Он меня **бил, избивалочень, очень-очень сильно**. Что поделатъ-с мужем рассталася, не смогла я так жить уж больше. Знаю я, жанился на другой... так там тоже **бил**»* (Кеж.: Заледеево).

Микротемы «Отношения с отцом», «Отношения с мачехой» в большинстве текстов отмечены преобладанием негативно-окрашенной лексики и такими членами номинационной цепочки, как *отношения плохие, плохо ели, ничё не делала, била* и т.д.:*«Отношения с мачехой **плохие были**. Нас же много было, а зачем она шла? Ей и не надо было ходить. **Плохо** ели мы, коров двух держали, она привела одну корову, и наша была. И есть то не готовила, **ничёне делала!** Своим детишкам всё...знать...всё давала, а нам*

объедки всё<...> А надо за интернат платить, и одеть надо, и поить ей, а мы то чо, дома, а нас кто будет? Она нам денег то совсем не давала. Биладаже, бывало, пока папка не видит. И жаловаться-то нельзя было - палкой била. Защищала братьев своих, еще больше попадало... вот так... Я не могла там» (Кеж.: Иркинеево); «С отцом не общался. Ничего он не помогал. И у меня душа к нему не ложилась. Под старость лет, как он уж заболел, я работяга стал, немножко он ко мне, а у меня душа не лежит. И хоронить я не ездил. Он умер, меня заказали, я не поехал, не поворачивала душа» (Кеж.: Заледеево).

3) подтема «Брачно-семейные традиции и отношения» (микротему воспитании детей, браке, сватовстве, семейных корнях). Типичные контексты данной подтемы – воспоминания о народной педагогике, семейных традициях, о замужестве и т.д.

Как мы можем отметить, тематическая структура «Семья» может быть как фиксированной в меморатах, так и спонтанной, поскольку номинации данной структуры присутствуют в текстах, тематически с ним не связанных. Однако в сознании диалектоносителя, события того или иного характера связаны с кем-либо из близких, что обуславливает частотность появления темы и микротем в иных тематических структурах.

2.2.3.2. Тематическая структура «чужие»

Антиномия «свой/чужой» связана в ангарских меморатах с воспоминаниями о жителях родного села, ранжируя их на собственно своих и чужих по различным критериям. Данная дихотомия, безусловно, связана с особенностями социально-исторического процесса того времени: активно в середине XX века в районы Центральной Сибири ссылали политических и уголовных преступников, которых в свою очередь поселяли в деревнях, в том числе в села Кежемского района, что не могло не сказаться на жизни и сознании коренных ангарцев, не оставить след в памяти. В следствии этого, в

ангарских меморатах довольно часто фигурирует тема «чужие», часто в соотношении с темой «свои», на основе чего мы смогли выделить отдельную тематическую структуру и представить ее в следующей иерархии: тема представлена подтемой «Ссылные» (микротемы «Политические ссылные», «Интернированные», «Раскулаченные» и т.д.), а также микротемами «Уголовные преступники», «Дезертиры» и т.д.

Подтема «Ссылные» связана с рассказами ангарцев о приезжих, то есть не своих, чужих, которые представляют собой самостоятельные микротемы. Важно отметить, что микротемы «Политические ссылные», «Интернированные» и т.д. хоть и актуализируют в своей основе тему «чужие», маркируется положительной эмоционально-окрашенной лексикой, из чего можно выявить особенности отношения ангарцев к данной категории приезжих. *«Да, к нам в сорок втором году привезли немцев<...> В каждой деревне выселяли пять-шесть семей. К нам выселили шесть семей. А люди были женщины... Ну трудяги. Трудяги чё говорить. Нищие были все.<...> Мы знали, что они трудяги, чё надо, чё есть мы им давали... ну как-то мы их не бросали. Не обижали, и даже во время войны, не обижали. Они только и говорили: «Вы не думайте, мы не те немцы. Вы не бойтесь нас» - даже так говорили. А мы даже... подружки же были вот моего возраста, мы дружили с ними. Я вот лично... с одной семьи у них было три сестры... я очень дружила с ними. Вот она... бабушка у них очень была хорошая, мать очень хорошая, хорошие люди, чё сказать» (Кеж.: Козинск); «В сороковом... нет, в сорок первом, их когда сослали с этой самой Саратовской-то области, их всех разделили сюда в вешнюю часть. Шнайдер тот же. Филипп Филиппович, Шнайдер. Люди-то хорошие были. Люди-то очень хорошие были. Люди трудолюбивые. Их сразу приняли люди нормально. Работали, доярками работали. (Собир.: То есть Вы их за врагов не считали, да?) Нет, ну как? Работали вместе, как считать то?» (Кеж.: Козинск).*

Частотны в текстах воспоминания о жизни отдельных сосланных. В этих меморатах также выражается положительное отношение, и ключевыми

являются лексемы *хороший, добрый, не воровали* т.д. «Ну вот, ещё я помню жил здесь один **ссылный поляк**. Когда в Польше эти восстания были, его сюда сослали семнадцатилетним парнем, и он так здесь и помер, здесь похоронен. **Патик Пётр Станиславович. Патик. Хороший был, но бедный был... придет, поможет по огороду что, бывало что и принесет что-нибудь. Хороший, добрый мужичок был...**» (Кеж.: Заледеево); «**Ссылные были. Ссылных-то гнали. Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас **ссылный** был, **Родя**, тоже жил такой **мужик хороший, тоже привезён был, не воровал, ничё...**» (Кеж.: Кодинск).**

Такое положительное впечатление о ссылных в меморатах практически совпадает с рассказами ангарцев о «своих», кежмарях. Такие рассказы маркируются словами и словосочетаниями типа *ангарцы, соседи, мокчоны, наши, от Боха человек* и др., а также именами отдельных односельчан, которые представляют собой отдельные микротемы. «...в *Простихино* приезжал, и интернат у нас большой был, а директором школы у нас был Виктор Васильевич Умрихин, из **наших** он был, **ангарцем** был. Это был **от Боха человек**. Правда. **Хороший** такой был он. Все делал для людей, для детишек особенно. <...>Детишки то бежали к ему, только ради него то и обучились хоть чему-то. Это всё, конечно, была заслуга Виктора Васильевича...он у нас был **хорошим**» (Кеж.: Заледеево); «Был там у нас один дядька в деревне, очень **хороший мужик** был, он уже в возрасте был. Он и говорит: «*Николай Алексеич, (он как-то уважал его, он вообще любил этот...людей...наши то вот знаете, людей то любили, и люди уважали друг друга)* ты не беспокойся, я тебе всё покажу, как делать. **Помох** нам дом построить, вон оно как. Показал как бы че сделать...» (Кеж.: Кодинск).

Не смотря на то, что подтема «Ссылные» и микротемы «Уголовные преступники» и «Дезертиры» находятся в едином тематическом поле и репрезентуют тему «чужие», лексические единицы данных микротем отличаются своей коннотативной окрашенности. Данные микротемы маркируются словами и выражениями с негативной окраской *бегали,*

*воровали, ночью, зеки, ужасы случались, насильовали др. «Дезертиры вот бежали. Помню вот как сейчас, они землянку где-то вырыли и вот в землянку ходили **ночью, воровали** у кого что можно было, у кого кто плохо закрыт. И вот в этой землянке жили. А потом кто-то из охотников обнаружили дым с этой, с землянки. Ну, достали их, четыре мужика было, увезли» (Кеж.: Кодинск); «...в каждой деревне, дома **не закрывались** да на замок там, на ключ, а потом уже, когда вот стали вот к нам привозить **зеков**, вот да как вот называли их называем, а потом стали **закрывать на ключ**. Они у нас в деревне ж не находились, никакого контакта с местными не было. Их возили.. как называются-то машины... автозаки, вот да, автозаки, их возили вот в этих машинах... До свидания... Но вот бывало, **зеков** отпускали, они к нам... в деревне оставались.. говорили, что **ужасы ужасы** случались...били, девок молодых **насильовали...воровали**, понятно дело. Но **боялись все страшно...**» (Кеж.: Кодинск).*

Как мы можем заметить, тематическая структура «Чужие» в меморатах практически всегда является фиксированной, воспроизводит заданную интервьюером тему.

2.2.3.3. Тематическая структура «Работа»

Еще одной частотной темой в ангарском меморате является тема «Работа». По мнению исследователей, работа «является одним из ключевых в диалектной картине мира... в ней отражаются социально-нравственные ориентиры диалектоносителей, их ценностные представления...» [Новоселова, Храмцова, 2006: 265]

Основными маркерами для вычленения данной темы являются лексемы *работал, трудился* и производные от этих лексем слова: «*Муж сюда приехал **работать** механиком. Я **работала** бухгалтером, всю жись, между прочим, как вот молоденькую меня послали... ну кончила школу, раньше же семь классов у нас тока было, вот я семь классов кончила, в колхозе **поработала***

*немного, потом меня отправили учиться..» (Кеж.: Заледеево); «И вот потом также получилось, что муж **работал**, как раз сегодняшний день, в аккурат, двенадцатое же сёдня, Петров день.. Ну и пошел бревёшки какие-то обтёсывать, столбики ставить в огород, он вот этим вот на жизнь себе и зарабатывал...»; «Папа в леспромхозе **работал** - он на катерах ходил. А...летом...лес же заготавливали. Он лес справлял, а зимой...заготавливал этот лес там на нижнем складе, или где там...» (Кеж.: Заледеево)*

Данная тема представлена подтемами:

– «Работа в поле»(микротема «Сенокос», «Работа на ферме», «Сбор урожая»и т.д.): *«Подошла **посвявна**, стали **пахать** на конях, **боронили**, сеяли все, хлеб, а потом подошел сенокос, сенокос убирали, убирали сенокос. Потом **жнитво** подошло. Стали хлеб **убирать**, **жали**, **вязали**, на молотилке **молотили**, сортировали хлеб на сортировки. Всё это в ручную. Не было комбайнов. Тракторов не было у нас, ничё вообще. Всё вручную делали. Ну а потом уже и на **скоте** работала. И **свинаркой** работала. И **тялятницей** работала, на больших **тялятах**. На быках ходила, ходила за быками и за маленькими **тялёночками** ходила. Ну, такие разные работы все были»(Кеж.: Кодинск).*

–«Работа по дому» (микротемы «Стирка», «Приготовление еды», «Работа по хозяйству»и т.д.): *«Но... пойдёшь на речку **половики** там **шоркать**, придёшь быстро **вышоркашь**, а чё охота идти **шоркать**? **Замочишь** – они полежат»; «Дома была **чистота** и **порядок** и **уют**, как бы это было всегда. А к лету обязательно **белили**. Всегда **приедть...исть** приготовит детям...**каши** наварит, дык потом пойдёт **повяжет**, **вяжет** что-нибудь, для детишек-та...» (Кеж.: Кодинск);«У нас семья больша была – маме надо и **сготовить**, **накормить** всех, и надо и **состряпать** – кажный день вот по такой **квашне** **хлеб** **выпекала** и наравне со всеми на работу успевала. Вечером придут и надо...ну, в огороде **поливали** это уж мы, мы, ребяташки. Надо скота накормить, надо на утро приготовить. Это всё. А*
**неразб 15:02* какой труд был зимой? Запрягаем собак в нарту и за восемь*

километром едем, везем там солому или микину или что ли. Ни сена, ничего же не было. Скоту-то, корову-то» (Кеж.: Кодинск);

– «Работа на предприятии, совхозе» (микротема «Работа на почте», «Работа дояркой», «Работа на лесозаготовках» и т.д.): «Потом я на **почте** двадцать лет, двадцать два года на **почте** работала. **Затопить** нады, **вымыть** нады, **почту** возила каждый день на порт. А не моя работа возить была, начальника, а я всё одна...» (Кеж.: Кодинск); «И вот, а мама **вдоярки** пошла работать... Молоко сдадут на **молочну**. Час-два дома побудут, опять поехали. В обеде **доили** коров. Вот. Опять **доить** поедут» (Кеж.: Кодинск); «Мы **дойками** работали, **доярками**. Ну, раньше то бы дойки... «Ты куды побежала? – На дойку». У нас, значит, это... общие дворы были. В том конце, щас не помню – переделанное всё. На **дойку!** На **дойку!** Летом мы ездили на **дойку** где Хребтовый... этот... берег вон там, но щас там кладбище. Каждое утро у нас было семь **доярок**, и мы каждое утро вставали в четыре, три часа... летнее время. В зимнее-то здесь вот у нас коровушки были...» (Кеж.: Кодинск); «Папа в **леспромхозе** работал - он на катерах ходил. А... летом... лес же **заготавливали**. Он **лессправлял**, а зимой... **заготавливал** этот лес там на нижнем складе, или где там, а она всю жизнь вот то, что учительницей была» (Кеж.: Заледеево);

– микротемой «Труд» («Ай, всяко было... А в центральный ходили, тоже продукты возили, а то не знаю уж кого возили, привозили... Все приедем, мужики не едут, всё меня под сено, На конях опять я еду. Я говорю “У вас совесть есть иль нету? Чего вы меня там отправляете, там морозина.” Потом приехали, по дрова нас назначили, я опять поехала. Наклали большие, а снег-то катается, падает. Мне хватило вот так, я еще живу как-то. Один раз болела. Двадцать лет почту протаскала, только (неразборчиво) была два месяца. Я безнадежно была» (Кеж.: Кодинск); «А как? Все надо делать. Не сделаешь – отлупят. Мы все эти доски на реку стоскаем, песком вышаркаем, далеко, и вот опять домой. Ухваты, лопаты и все. Все стаскивали. Все. Мы не ходили, не бегали по деревне. Нам некогда

было бегать. Вот. Надо маме помогать» (Кеж.: Козинск);

В меморатах часто тема «Работа» имеет зону пересечения с подтемой «Война» и ключевые слова, которые маркируют данную тему, что выражается в следующих фрагментах: *«Вот, потом я **войну** всю **работала**. Везде в **косила**, **жала**, **руками косила** и на этом...**держала** хлеб и **молотила**. Кулей по семьдесят килограмм таскала, на **фронт** всё таскала, возила...»*; *«Во время войны-та я назаготовках все была, **плоты гоняла**, **баланы катали**. Ой, я везде всё, в обозах ходила, на **фронт** хлеб по семьдесят килограмм на верфь таскали, навалит нам Коля глухой (неразборчиво) сырая, девять лошадей, таскали ягду (неразборчиво)... все на фронт...а мы то голодать..»*(Кеж.: Козинск); *«Я пошла работать в 15 лет, было. **Война** уже началась. **В сорок первом году война** началась, а я в сорок втором на работу пошла **работать**. 15 лет мне было. Вся **колхозная работа** была, вся работа **колхозная**. Подошла **посвявна**, стали **пахать** на кОнях, **боронили**, **сеяли** все, хлеб, а потом подошел **сенокос**, сенокос убирали, убирали сенокос...»* (Кеж.: Козинск).

Тематическая структура «Работа» часто выступает как самостоятельная, так и фоновая, являясь во многих текстах фоновым полем для выдвижения на первый план воспоминаний о семье, войне и т.д. Тема может быть как фиксированной, так и спонтанной.

2.2.3.4. Тематическая структура «Промысль»

Промысловая культура занимает большое место в традиционной сельской культуре, поэтому выделение данной тематической структуры представляется нам важным для понимания специфики ангарской культуры. Выгодное географическое положение и разнообразие ландшафта определило вид промысловой культуры Нижнего Приангарья, занимавшее существенное место в жизни ангарцев, что нашло отражение в большинстве меморатов.

Данная тематическая структура представлена двумя, наиболее четко

отраженными в меморатах, подтемами: «Охота» (микротемы «Охота на медведя», «Воспоминания о первой охоте» «Охота на пушного зверя», «Несчастные случаи на охоте» и т.д.) и «Рыбалка» (микротемы «Зимняя рыбалка», «Летняя рыбалка», «Осенняя рыбалка», «Бой на рыбу», «Коллективная рыбалка», «Несчастные случаи» и т.д.).

Подтема «Охота» связана с рассказами-воспоминаниями о данном промысле, которые представляют собой самостоятельные микротемы «Охота на пушного зверя», «Встреча с медведем», «Несчастные случаи на охоте» и т.д., и частотность возникновения данных микротем в меморатах говорит о том, что охота как промысел входит в сферу высших ценностей ангарца. Ключевыми лексемами для вычленения данных микротем являются слова лексико-тематических групп «орудия труда», «животные» (*медведь, белки, лось, соболь*) и слова охотничьего лексикона (*централка, беловатъ, вешка, тоска, белочить* и т.д.). *«Белку добывали, сохатых добывали, ещё медведя добыли тут, у этой избушки. Тоже было. Пошли белочить, один туда пошёл, другой туда. Один пошёл туда, он там находил медведь, по снегу. Он вернулся, охотник, к избушке, пришёл я. Пришёл. Ну, побежим. Побежали. Вот пришли, нашли собаки его, погонили, догнали. Но и добыли его, убили. Но потом коней привели, его вывезли. Он шибко не сопротивлялся, собаки лаяли в дереве его, он жопой этак к дереву не сядет. Они за жопу хватают его, у него жопка криво, боится он, ходит, обвёртываеца. Суды хватит, суды обвёртываеца, а он, он такой, человека-то не глядит, на собак глядит. Вот к нему подходишь, подходишь, ближе-ближе, а потом из централки, бух-бух. Повернулся. Готовый!»* (Кеж.: Кодинск).

Подтема «Рыбалка» представлена микротемами «Зимняя рыбалка», «Летняя рыбалка», «Осенняя рыбалка», «Бой на рыбу». Ключевыми номинациями для вычленения микротем являются слова лексико-тематической группы «Рыба» (*налим, язь(казачок,бульбан), ельцы, сиги* и т.д.), «Орудия труда» (*шест, удочки, сети* и т.д.). Стоит отметить, что подтема «Охота» и «Рыбалка» имеют различия на гендерном уровне – если же

мемораты об охоте представлены диалектоносителями мужского пола, то мемораты о рыбалке в большинстве случаев представлены диалектоносителями женского пола, что является характерной чертой рыболовной культуры Нижнего Приангарья. *«Бой на рыбу, ну как было вот это в роду, в каждой деревне бой делали. В определенное время. Люди же работали, у кого свободно время, они в любое время едут, но конечно женщины все ходили большие ...бабушка у нас вот была, она рябятишек возьмёт и поехала, она добры места выберет, а когда будет бой, нас выгоняла, нам там и делать уже нечего. Вот и устанавливали бой»* (Кеж.:Кодинск); *«На щуку? Ну вот, если на ельца - это ельцовка, ельцовка она, на сорожку-это сорожня, в эту сеточку сорожки попадают, окунечки так мелкие, а вот крупная рыба, хоть окунь крупный, хоть щука...вот это уже на щуку, это пятидесятки аж ладонь лезет. Вот это на щук уже. Разные сети. Ну были самолосы. У нас дед самолосами занимался. Он добывал осетров. Вот. Меня...маленька была, он заберёт меня, он всё работал со мной. Он был мастер»* (Кеж.: Кодинск).

Микротема «Несчастные случаи на рыбалке» представлена в следующем фрагменте: *«Тонула три раза. С неводом. У нас от деревни восемнадцать километров Илим в Ангару впадал. И вот в этом Илеме мы всегда весной неводом водили. А всегда в колхозе работы полно, дотянут до последнего, потом в лодку невод и таском ташили на себе всё. Ну тут восемь килом не доходя до Илима, восемь километров. И этот, начало или выталкивать начало и Ангару толкать начало это, от этого места-то. Мы на берег набродились вот так. Ну, в общем это, благо, что у нас никто ни это у нас, не потонул, ничё. Ну, вот на берег выташили это всё, это все лодки»* (Кеж.: Кодинск).

Тематическая структура является в меморатах фиксированной, спонтанно практически не появляется. Отмечается предельная самостоятельность темы, не выступающей фоновой для других тем/подтем.

2.2.3.5. Тематическая структура «Суеверия и верования»

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. Даля, суеверие – это «ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно» [Даль, 1999: 128]. И.А. Чергинец отмечает, что «суеверия могут быть описаны как транслируемые культурной традицией вербализованные иррациональные компоненты обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует своё поведение. К таким компонентам относятся гадания, вещие сны, приметы, поверья, а также персонажи народной мифологии, входящие в языковую картину мира определенного этноса, имеющие особый смысл для носителей определенной лингвокультуры» [Чергинец, 2008: 23]. В ангарских меморатах мы можем выделить большое количество нарративов, относящихся к тематической структуре «суеверия и верования», что помогает нам наиболее четко представить миромоделирующую и языковую картину мира ангарцев. Данная структура включает в себя тематические, подтематические и микротематические уровни.

Тема «Суеверия и верования» включает в себя подтему «Персонажи народной мифологии»(микротемы«Домовой», «Банник», «Суседка», «Ведьма» и т.д.), подтему «Привороты и порча» (микротема«Привороты на любовь», «Привороты на удачу»и т.д.), подтему «Люди, обладающие экстрасенсорными способностями» (микротемы«Урочливые люди», «Знахари», «Волшебки»и т.д.), а также отдельную микротему «Поверья»и т.д.

Подтема «Персонажи народной мифологии»связана с меморатами о сверхъестественных существах, часто о нечистой силе, с которыми информант либо сам сталкивался в жизни, либо повествует об известных ему подобных фактах из жизни близких или знакомых. В подтему входит микротема«Домовой», *ключевые* номинации – лексема *домовой* и связанные

с ней качественные характеристики *волосатый, большой, маленький, без одежды* и т.д. «Я не знаю, *домовой*, или кто это, наверно *домовой*, может быть. Раньше же всё разговаривали, да про *домовых* там, любили *страшные истории* вот это вот всё.. Тож же десятый класс <...> а я одна в домике ночевала <...> Лежу. Кто-то стоит. Раз назад. В проходе-то стоит, в колоде-то, кто-то. Как человек. Рост человека, весь *волосатый, без одежды*. Ну я стала себе всякие прибаутки.. Да показала туда да сюда, да и начала себя успокаивать, сама-то поняла я, что.. А сразу он, вы знаете, как вам сказать.. когда с тобой что-то приключается такое вот, да, и чувствуешь, душа, человек чувствует, что это не земное, что это не вот ты пришла, или вот ты ко мне пришел.<...>перелез и туда, к стенке-то лёг. Лёг вот так вот.<...>Ну и он так вот лежал и смотрит на меня, знаете, *глазки кругленькие* – ну вроде как по-доброму. Как любит ли меня ли как ли вот так вот, лежал-то, лежал, а от меня никакой реакции. И он такой, вы знаете, я такого звука не слышала вообще никогда. Он такой лежит и такой: «а-а-а-а-а» и такое *громадное* было.<...>лёг, и не понравилась ли как ли, и видно вот, сколько-то, не минута, нет, но секунд сколько-то, и как-то, знаете, в ноги раз-раз-раз, как бы вскользь и *маленький* какой-то оказался, как *клубочек* какой-то, в ноги, туда. <...> Ну и потом рассказать – а не могу, меня *слёзы душат*. Ладно, успокоюсь» (Кеж.: Кодинск).

Подтема «Привороты и порча» представлена в следующих фрагментах: «Соседка вот ангарка рассказывала...вот дочка у меня убежала как-то к соседке, нету-нету, нету-нету, пошла я её встречать. Зима. Ну а сумрики-то, сумерки у нас как ранние, пошла, ну а лампа освещает ещё там, а улицы освещаются все-равно. Ну, говорит, иду, смотрю – дочка моя *бежит*. Смотрю, говорит, я не поняла, по дороге, *здоровая, метра два* тень шагами *здоровыми* с той стороны дома, допустим, наискосок. Я, grit, оцепенела, стою, и дочь-то моя бежит, ну кто вперед не знаю там, как-то не было такого. И дочка-то ко мне, и эта тень-то на ту сторону-то, через канаву-то, и в какие-то дома. Я, grit, дочку-то обняла: не испугалась? Она grit:

нет. Я грю: а чё это было? Она grit: Оля, кто-то **порчу** напустил в конкретный дом, и эта **порча**...»(Кеж.: Заледеево).

Ключевые номинации **знахарь**, **волхитка**, **урочливый/урочливая** репрезентуют в структуре соответственные микротемы: «А мне и говорит бабушка моя, она тоже рыбачка была страшная, простужала же ноги <...> Там у нас бабушка, она молода была, она умеет **заговаривать**, она приходит, у ней такое магнито...вот такое какое, и вот она вот этим магнитом...посадить её и **чертит**, и с **наговором чертит**, всё, **две девятки походила**, у бабушки нога выздоровела <...> были **знахаря**, были. И руки вставляли, и были **знахаря** вот, другой раз слом даже кости складывали, вот в Аксёновой там были хорошие **знахаря** у нас. Мама аксёновская родом, там вообще были **хорошие знахаря**, там даже один был старичок, он всё складывал. Раздроблят ногу, мало ли чо, ведь работа была такая, всё вставляли и вывихи, всё вставляли, не было врачей-то никаких» (Кеж.: Кодинск); «Ой, ой, и все и **волхитки** раньше были, када вот страшны вечера. У нас одна там бабка была, такая была **противоза**, она нарядится, как распустит свои косы и бегат. А мы ещё боялися. Там ходим, боимся, ой там гумно такое страшное, мы не пойдём, там **волхитки** бегают, а она **нарядится** на метлу сядет, страшны же вечера, а мы же любим тоже побегать-та, чо-нить понаряжаться, да чё-нить погрезить-та, а она на этой метле и бежит туды в этот вот...вот такая была старуха. И вот када она умирала, она так умирала тяжело <...> Она всё знала, чё-то знала. **Сглазить** и могла. И всё могла. Вот» (Кеж.: Кодинск).

Микротема «Поверья»в ангарских меморатах тесно связана с микротемами «Домовой», «Ведьма», «Суседка»,ключевым номинациями являются слова *говорили*, *поговаривали*, *раньше*, *как было* и т.д. «Ну вот **раньше как говорили: "Дедушка-суседушка, к худу или к добру?"** И он как **"К ху-у-ду-у"**, типо протяжно. Вот так я слышала. Типо "у-у-у". **Худо** делал тем, кто спрашивал. Ну я не верю, кто спрашивал. Ну как это во сне и мне сразу в голову войжет, что надо его спросить? Я думаю люди это врут»

(Кеж.: Икринеево); «А вот на месте вот этой церкви же потом вот клуб был, построили, был при мне уже был клуб. **Рассказывали**, что человек, который крест сбрасывал, погиб. Ну вот и в общем ещё я про одну церковь тоже читала, что погибли все, кто участвовал. **Поверье** же такое вот даже ходило...Свержение не этой именно, а другой там...что их **настигает**, или их детей...**настигает** потом **беда**, они не знают, откуда. Видимо, люди в этот момент так их ... ну к ним чёрные силы какие-то посылают, люди, которые их в этот момент, наверное, ненавидят и прочее, что эта вот энергия с ними идёт по жизни» (Кеж.: Кодинск). Часто данная тема в меморатх сопряжена с печальными событиями из жизни говорящего, связанные с микротемой «Несчастные случаи»: «От, точно знаю, **раньше говорили** как – если муж рыбачит и рыбы полно добывает – **быть беде**. Вот, Коля у меня покойничек, завалился с шуками, поешет в мешке не одну, две, а много. Я просто даже...ну тогда молодая была. Во Дворце жила. Думала чо? Добыл и добыл. Слава Богу. А соседка у меня была баба Таня жила. Также покойница...**говорит**: «Ой, Альбишка, это **худо**. Рыба-то на голову идет». Ну, **к покойнику**...то есть, когда много рыбы ловит – тоже не хорошо. Приехал ко мне папа с Богучан. Они уехали уже туда жить, сделали там себе дом, построили и приехали ко мне. И вот...буквально прошло...наверное, ну может, с неделю...он с моим Колей уехал там на Ковую **рыбачить**. И оттуда он уже привёз его **неживого**. Вот это вот точно!» (Кеж.: Заледеево).

Тематическая структура «Суеверия и верования» по степени развития относится к пассивной теме, часто спонтанной и нефиксированной. Также может выступать в речи говорящего как самостоятельной, так и фоновой.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В настоящей главе были проанализированы подходы к определению ключевого понятия «тема текста», которая понимается как особая последовательность номинаций, компоненты которой объединены особыми отношениями – логико-семантическими и лексико-грамматическими средствами связи. В ходе анализа научной литературы выявлены формальный, семантический и коммуникативный подходы к изучению темы текста. В исследовании используется формально-семантический подход.

На основе тематического членения диалектного монологического текста была описана тематическая организация ангарского мемората, в структуре которой выявлены гипертематический, тематический, подтематический и микротематические уровни (последние два дифференцируются в тексте в зависимости от конкретизации и дальнейшего разложения тематической цепочки на номинации, соотносящиеся с темой). За единицу тематического анализа был взят отдельный монологический текст, принадлежащий одному информанту. При анализе тематической структуры идентифицированы темы текста на основании их номинативного анализа – выделения номинационных цепочек. Были описаны основания для классификации тем ангарского мемората: по отношению конкретного к общему; по характеру возникновения: фиксированные и нефиксированные; по количеству вхождений (частотные и нечастотные); по степени независимости от других тем (самостоятельные и фоновые); по характеру развития (пассивные и активные). В проанализированных текстах выявлено пять тематических структур: «Семья», «Чужие», «Работа», «Промыслы», «Суеверия и верования».

ГЛАВА 3. ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ АНГАРСКОГО МЕМОРАТА

В психолингвистических исследованиях бытует мысль о том, что «именно сфера психической мотивации речевой деятельности обеспечивает как смысловое единство текста, так и единство связности и цельности как его характеристик», о чем говорит, например, А.В. Кинцель [Кинцель, 2000:50]. Исследователь говорит о том, что цельность и связность текста проявляется как «структурно-смысловое единство текста на эмоциональной основе». Это особенно актуально для разговорной речи: все ее проявления (просторечная, диалектная, литературно-разговорная) демонстрируют единство эмоций интервьюируемого и смысла.

В.И. Шаховский определяет доминанту как «избирательность и концентрацию», доминанта – это «определенная установка как центр интереса, а, следовательно, и определенная позиция во всех видах вербальной и невербальной жизни человека». При этом основа доминанты физиологична – «человек концентрируется на более важном для него вообще и в каждый данный момент отбирает те или иные способы восприятия и реагирования на мир» [Шаховский, 2008:300]. Определение эмоционально-смысловой доминанты диалектного мемората является одной из возможных реализаций статической модели тематической организации диалектного текста.

Диалектный текст представляет собой интерпретацию действительности, осмысление жизни, что связано в первую очередь с его гипертемой – жизнью диалектоносителя и его окружения, Говорящий описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком, которые случились либо с ним, либо с его близкими, наделяя каждый текст эмоционально-волевой установкой и набором единиц, которые помогают отнести текст к тому или иному эмоционально-смысловому типу.

В работе используется метод исследования диалектного текста с точки зрения эмоционально-смысловых типов, разработанный С. П. Петруниной:

1. Выявление преобладающих тем (подтем, микротем), что наглядно представляет жизненное пространство диалектоносителя.

2. Выявление эмоционально-смысловой доминанты и эмоционально-смыслового типа текста на основе выделения тем (подтем, микротем), сюжетов и анализа эмоционально окрашенной лексики.

Избранные для анализа ангарские мемораты в основном несут в себе одну ярко выраженную эмоционально-смысловую доминанту, однако встречаются и смешанные, совмещающая в себе две и более эмоционально-смысловых доминанты. При этом, на первое место выдвинута ведущая доминанта, на второе – дополнительная. Проанализировав тексты, мы получили следующие разновидности эмоционально-смысловых типов ангарского мемората: светлый, светло-печальный и темный.

3.1. Светлый меморат

Светлые тексты в ангарских меморатах переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС встречаются не так часто, поскольку жизнь записанных нами диалектоносителей протекала на фоне историко-культурных событий середины XX века, и практически все исторические катаклизмы этого времени негативно повлияли на жизнь информантов. Однако, среди собранных нами текстов, встречаются примеры светлых меморатов:

*«Это было в Паново. В писят, писят третьем году, наверно. В марте месяце. Потому что потом **Пасха** была, **любимый** наш праздник, **светлый**, и **мыкача-а-ались**, они **гуля-я-яли**, а мы **кача-а-ались** и **пе-е-ели**, **песни пели**, **на качелях качались**. Миша Ленин, я, Маруся, Нина Адамовых и эта самая, вот... Дедушка нам, Андриан, **хорошие** веревки привязал, и мы вот **качались**, знаешь, **как раскачаемся**, и так **хорошо**, **весело** было в этом.. и вот она с*

нами. *И мы песни пели, и мама пела. Красиво пела, мы качаемся, хохочем, а она поет...»*

Вкрапления светлых текстов в ангарских меморатах связаны с воспоминаниями диалектоносителей со «своими», кежмарями, а также с воспоминаниями о своем родном селе:

«Какая красота у нас была! Вот сейчас уже мы вот вспоминаем все это и говорим, какой был чистый воздух, какая была красота. Мы этого не ценили, думали, что это везде так хорошо и красиво. А вот, когда уже пожилы, когда столкнулись с годами, даже прямо за сердце... Вода чистая, мы же её не кипятили, брали воду то с Ангары и её мы пили, мы её не кипятили. Все были живые и здоровые, крепкие и закаленные» (Кеж.: Кодинск); *«..в Простихино приезжал, и интернат у нас большой был, а директором школы у нас был Виктор Васильевич Умрихин, из наших он был, ангарцем был. Это был от Боха человек. Правда. Хороший такой был он. Все делал для людей, для детишек особенно. <...>Детишки то бежали к нему, тольк ради него то и обучились хоть чему-то. Это всё, конечно, была заслуга Виктора Васильевича...он у нас был хорошим»* (Кеж.: Заледеево); *«А наши, вот, ангарцы – они уже знают, всё знают, как-чѐ обращаться. А эти ничо не знали, сели в лодку и поехали. Пошѐл ветер. Раз ветер пошѐл – вы знаете, наши-то ангарцы, они могутдаже волны проехать...»* (Кеж.: Кодинск); *«ну чем отличаются ангарцы...ну своим говором конечно они отличаются. Они... Не знаю, многие говорят, может быть, жадные! Но они добродушные. Вот придешь, они на стол, хлебосольные они, они стол то полный, накрытый будет. Обязательно,накормят, напоют, все сделают, чтоб гость доволен вот остался»* (Кеж.: Кодинск).

«Светлую» тональность в данных текстах маркируют оценочные прилагательные *хорошие, хороший, любимые, крепкие, закаленные, живые, здоровые, добродушные* и т.д., а также положительно эмоционально-окрашенные лексемы типа *хорошо, весело, качались, гуляли, хохочем, от Боха* и т.д.

Светлые мемораты встречаются в воспоминаниях о родных и близких: *«Так что вот она могла вот это. **Работящая** была. Для нее **любимым** занятием было картошку копать<...> Что я была маленькая – она мене так **любила**. И я не могла уснуть не натербив у неё вот так вот шею, целвьй день если не видела еетосковалавидно. Я совсем-то не помню, как тербила чо. Но от **любви** такой большой, **мироваябабушка** была у меня. Мне ж тогда казалось, **сама лучшая** была. **Всю** семью подняла нашу, вот така была, это я вот помню. **Ответственная** была, за каждого переживала, каждому **помочь хотела**»* (Кеж.: Кодинск).

Можно выделить следующие особенности светлых ангарских меморатов: А) возникновение эмоционально-смыслового типа текста связано в меморатах с темами «Семья», «Свои»; наиболее частотными подтемами становятся «Межличностные отношения», «Воспоминания о детстве», «Земляки» и т.д.; Б) значительную часть текста составляют тематические углубления (детализация описания, характеристики героев и окружающей обстановки, действий), поскольку диалектоноситель максимально погружен в жизненное пространство, и для него важно передать события из жизни в неповторимых проявлениях; В) для светлых меморатов характерны обобщенные характеристики, преувеличение положительного и частотное появление в текстах лексем с качественными характеристиками («Они... *Не знаю, многие говорят, может быть, жадные! Но они **добродушные**. Вот придешь, они на стол, хлебосольные они, они стол то полный, накрытый будет. **Обязательно,накормят, напоят, все сделают, чтоб гость доволен вот остался**»; *«**Работящая** была <...>**мироваябабушка** была у меня. Мне ж тогда казалось, **сама лучшая** была. **Всю** семью подняла нашу, вот така была, это я вот помню. **Ответственная** была, за каждого переживала, каждому **помочь хотела**»*);Г) Использование лексем с количественной характеристикой, что выражается в повторение некоторых лексем, изображающих длительность происходящего, характеризующих описываемые события как длящиеся и проносящие удовольствие героям*

мемората: «*Потому что потом Пасха была, любимый наш праздник, светлый, и мы кача-а-ались, они гуля-я-яли, а мы кача-а-ались и пели, пе-е-есни пели, на качелях качались...*»;Д) для выражения положительной оценки и для создания светлого эмоционально-смыслового типа мемората, в речи информанты используют прием редупликации («*самая-самая деревня была наша*»; «*ой, такая хорошая, хорошая-хорошая была у меня свекровь. Всем бы такую!*»; «*...кежмари ж они добрые-добрые, всегда рады гостям, даже вот немцам были рады приедем, и всем!*»).

3.2. Светло-печальный меморат

Ангарский диалектный текст является смешанным, совмещая в себе две эмоционально-смысловых доминанты. Так, можно выделить наиболее распространенную разновидность диалектных текстов по наличию двух эмоционально-смысловых доминант – это светло-печальные ангарские мемораты. Они характеризуются смешением элементов одного и другого эмоционально-смыслового типов.

В собранных нами текстах, светлые мемораты, особенности которых описаны выше, очень близко подходят к печальным, и это объясняется самими информантами, которые утверждают, что светлого в жизни сибирской деревни в XX в. было мало. Но все же, типичной чертой ангарцев является неунывающий оптимизм, умение смело встречать невзгоды.

Приведем пример текста, рассматривающийся нами с позиции светло-печального типа текста: «*...ну кончила школу, раньше же семь классов у нас тока было, вот я семь классов кончила, в колхозе поработала немного, потом меня отправили учиться... и вот, я потом приехала и бухгалтером всю жизнь работала, да конца, прям на пенсию ушла с этого... Ну и муж приехал, познакомились. Приехал где-то в апреле, в ноябре мы уже свадьбу сыграли. Не церемонились! Какая свадьба была! **Вся деревня отмечала, вся деревня. Веселились мы, муж на руках меня носил,***

*нацеловывал все... счастливые все были, ребятами все плясали веселились. Вот так вот. Тогда ж свадьбы не сильно уж и отмечали...но муж мой хотел, чтобы оно...ну чтобы **весело** чоли всем было, да меня повеселить. **Любил** ведь меня, ой **любил**. Все готов был отдать. Муж очень **хороший** был. Так и жили мы...» (Кеж.: Кодинск).*

Светлую тональность в тексте задают положительно-окрашенные эмотивы типа *свадьба, весело, отмечала вся деревня* и т.д., а также положительные коннотативы типа *любил, веселились, плясали* и т.д.

Однако последнее предложение этого светлого текста выводит нас в текст печальный: *«Так и жили мы с ним. Детишки потом пошли, он и мужем то был хорошим, а потом и отцом вот знаете был..хоть куда. Выручал, помогал. Так ведь **война проклятая** началась... и **забрали мужа** моего. **Забрали** и получила только вот **треуголку...похоронку!** Так так ведь со всеми мужиками было, **ужасная война, страшная**... всем вот семьям это на долю выпало, такие вытерпеть **страдания, мучения, слез пролили сколько**... Но муж **хороший** был, правду говорю»* (Кеж.: Кодинск).

Печальную тональность в тексте задают качественные лексемы *проклятая, ужасная, страшная*, а также лексемы, обозначающие физическое состояние говорящего типа *страдания, мучения, слез пролили сколько*.

Светло-печальные типы в мемуаратах часто представлены женщинами, и типичными контекстами являются воспоминания о первой любви, которая, как правило, печально заканчивалась.

*«Про первую любовь? Ой девчонки, ну это ж прям неловко как-то даже и рассказывать. Я то вот не люблю особенно вот рассказывать про это. Но если уж начала... ну молодая я была, молодая, а он на десять лет меня старше был. Познакомила нас подруга наша, вместе мы с ней работали тогда вот доярками, и вот как знаете, сразу поняла, что ... как сказать... мое. **Ласковый, добрый** такой был, **помогал всегда-всегда**. А мама моя вот не любила всех, а его сразу вот **полюбила**. Думала, что отдаст дочку, за такого парня-то **хорошего**. А потом вот раз и не стало его –*

пропал. И никто не знает, куда делся. Оказалось, потом, забрали его на фронт. Ой как плакала, как горевала, места ж себе не находила. Думала, погибнет там, и все тут. Несколько раз вот мне приходила похоронка, так знаете как бывает – не те похоронки, рано они его похоронили. Ведь потом вернулся – так у нас знаете не сложилось... пожилы пожилы, и разбежались все равно. Но не виню его, не виню, человеком он хорошим был. Вспоминаю все с улыбкой» (Кеж.: Заледеево).

Данный фрагмент наглядно показывает особенности печального текста в ангарском меморате: сюжет основан на ситуации, при которой в жизнь диалектоносителя вторгаются силы, которым невозможно противостоять (в данном меморате – война), а также частотное появление лексем, выражающих физическое и душевное состояние говорящего. В тексте можно проследить сменяющиеся друг друга лексемы эмоционально-положительной окраски (*ласковый, добрый, хорошего*) на лексемы негативно окрашенные (*фронт, плакала, горевала, погибнет*). Последний же фрагмент в тексте все же остается печальным, поскольку информант испытывает чувство ностальгии по тем временам, и вспоминает о первой, хоть и несчастливой любви, «с улыбкой».

В собранных нами текстах, наиболее четко прослеживается появление смешанных эмоционально-смысловых типов в темах «Семья» (подтема «Межличностные отношения» микротема «Отношения с мужем»), а также тема «Судьба», подтема «Воспоминания о юности» и т.д.

Еще одна из примечательных особенностей печального мемората и основное его отличие от темного – положительная окраска лексем, положительная характеристика действий (*не сложилось, разбежались, не виню* и т.д.)

3.3. Темный меморат

Примером темного мемората может служить следующий монолог:

«. Пошла в (неразборчиво) пешком. Из Пашенно до Чаботцу надо **всёпешком** идти, а я **зимой** шла, **одна**. С Кодинки пошла, во сне увидела, что, наверно, **дорогинету**, обратно приду. Рассказываю им. Иду, **шестьдесят** градусомороза, **однаиду**, по реке. Потом три километра не дошло до (неразборчиво). Гляжу, поют песни. Приехали. Один проехал, спросил...говорю...а он говорит “Сколь километров?”, а я говорю “Я не знаю” (неразборчиво) “Мы вот только три километра **отъехали**”. А они только с ямщиком уехали, они **ночевали**, две лошади возле Азовского, еще **пьяницабезрукивсёстреляет**, **всё в тюрьме**, всю жизнь. Один **подъезжат**, а я отошла от дороги, тут дорожка была, стою. Заходит тоже, а я узнала. Кешка у нас. **Напилисьпьяны**, потом вышли на дорогу, “садись ты, **беженец**. “Я так, какой **беженец**?!” Пошла в больницу, тетка там болела, мамина сестра. Потом, говорю, я в больницу пошла, в **больницу**-то я. Потом, говорят “Садись, **беженец**. Ты что в **шестьдесят**градусов **обратно ехать**”. “Я не поеду”. **Толкает** меня на сани, **снег всё истоптали**, я как **толкну** его, **пьяный** же был, слез нету, **реву-у-у, бегу**, чтобы может услышали. Потом, **бежит, стрельнет...стреляет** “**Остановись, застрелю**”. **Бегу, бегу**, гляжу Азовский сидит со однойрукой, потом опять **напихает** меня туды сяды Азовский говорит, “**стреляй в неё**”, а я говорю, а он **стрельнул** раз, два. Болтались, болтались...опять **побежала**. А он **бежит** “**Застрелю-ю, застрелю-ю!**”. Опять **нагоняют** меня на коне. Потом **всё носились, носились**, как вошла в снег, **отбежала, упала**. Коня под (неразборчиво) положил меня в машину на сани. Я говорю “Нет, не положите”. Гляжу, он с **однойрукой** держит. Думаю,**наступит**, отошла. Подымает. А он меня **триразанаспинуударил**. **Бегу**, опять **реву**. **Бежит** тетка, ямщика-то мать. Потом я говорю “**Христова тетка, задержи!**”. Я **подбегаю** к саням на дороге, от реки-то до деревни. Говорю “**Останови маленько, я убегу**”. Потом гляжу - он вернулся. **Задержала** его, на коне его опять **догоняют**. А народу-то...стоят полно мужиков и баб. А я **реву**, они ведь слышат. Ну ладно, так и **подбегаю**. Если бы тетка не остановила, они

бы меня, они бы у меня такие на дороге тут **застрелили**. Потом, я только **подбегаю**. На коне **догнал** меня тут и **убегал** и в меня **стрелял**, а мужик какой-то **выхватилпистолет** у него. **Слезыкатятся, немогу**, а он говорит “Ты что делаешь?” А я говорю “Кешка, как тебе нестыдно. Я Христом Богом тебя **просила**, что знакомы.” Ну а этот, ну ладно, тетка какая-то на днях...пошли, чая налила, а он какой чай, **слезылетят** как из граду. Жива стала, девки ведь, трое детей. Там, ладно. (неразборчиво) Потом приехала в **суд** подавала его мне в **суд** туды. Ну да, сняли**сработы** его, потом, мне говорят давай пиши дальше Москву. А я говорю, мама говорит оставь его. Опять почту возила, опять с ним возила, ой, так я его знаю хорошо».

В данном меморате можно выделить особенности, которые будут присуще практически всем темным типам ангарского мемората. Это такие черты, как наличие слов с отрицательной коннотацией типа *тюрьма, пьяница, пьяны, слезы катятся* и т.д, использование негативно окрашенных лексем для усиления действия *ударит, бежит, стрелял, выхватит, выстрелит* и т.д. Для темных текстов характерны частотность тем «Чужие», «Жизненные трудности», в которых жизнь для ангарцев воспринимается чередой трудностей, несчастий. На протяжении развития темы, диалектоноситель констатирует факты своей жизни и все отрицательные явления жизни предстают в его речи ярко и выпукло («Опять **нагоняют** меня на коне. Потом всё **носились, носились**, как вошла в снег, **отбежала, упала**. Коня под (неразборчиво) положил меня в машину на сани. Я говорю “Нет, не положите”. Гляжу, он с **однойрукой** держит. Думаю**наступит**, отошла. Подымает. А он меня **триразанаспинуударил**. **Бегу**, опять **реву**. **Бежит** тетка, ямщика-то мать. Потом я говорю “Христова тетка, **задержи!**”. Я **подбегаю** к саням на дороге, от реки-то до деревни. Говорю “**Останови** маленько, я **убегу**”. Потом гляжу - он вернулся. **Задержала** его, на коне его опять **догоняют**. А народу-то..**стоят** полно мужиков и баб. А я **реву**, они ведь слышат»).

Данный темный меморат строится на повторении следующих лексико-

семантических единиц: бег, догнать, стрелять, реветь (по-ангрски – кричать), задержать, а также повторение единица *ночь, зима*, что является показателем, что в сознании говорящего *ночь* и *зима* связаны с «временем зла, темноты». Текст характеризуется ярким включением элементов метаречевого характера (то есть строевых компонентов текста, выполняющих иллокутивную функцию, связанную с речевыми шагами говорящего по порождению текста): «**Опять** нагоняют меня на коне. **Потом** всё носились, носились, как вошла в снег, отбежала, упала. Коня под (неразборчиво) положил меня в машину на сани. **Я говорю** “Нет, не положите”. **Гляжу**, он с одной рукой держит. **Думаю** наступит, отошла. <...> **Жива** стала, девки **ведь**, трое детей. Там, ладно. (неразборчиво) **Потом** приехала в суд подавала его мне в суд туды. **Нуда**, сняли с работы его, **потом**, мне **говорят** давай пиши дальше Москву. **А я говорю**, мама **говорит** оставь его. **Опять** почту возила, **опять** с ним возила, ой, **так** я его знаю хорошо».

Еще одна особенность ангарских темных текстов – наличие темной эмоционально-смысловой доминанты в теме «Промыслы» и связанной с ней микротеме «Несчастные случаи на рыбалке/охоте», а также наличие в этих текстах темы *смерти*, что можно проследить в следующем фрагменте: «**Я так три раза** тонул. **Я тогда молод** был, в полном **расцвете сил**, так вот. **Мы тогда ж это**, хоть куда были все, парнишки были, жизнь любили, девок молоденьких, любовь все воротили. **И решили мы рыбачить** поехать, дело это страшно все тогда обожали. **А у нас район тут** на той стороне был, мы на острове. **Вот**, поехали. **Нас много ль** было, человек шесть, и все в лодку. **Ой**, едем едем, и что-то так **опять грустно** стало. **И тут смотрим** а до нас **туча** идет. **А мы то** даже до борозды еще не доплыли. **И тучи** так все **ближе**, все **накрывают** небо-то. **Ой**, чувствуем **надвигается** что-то. **Надо бы побыстрее** плыть. Так не успели, **туча настигла** и начался **шторм, ураган, ветер сильный**...лодку **топить** начало. **И все из лодки кто** куда, а парни у нас некоторые и плавать неумели! **И боязно** мне стало до братьев-

то моих...страшно! Сам плыву, воду хлебаю волнами то меня топят, а я не вижу ничего кроме товарищей моих..а их уж и не видно...думаю ну все, потонули! Попытался было я найти хоть одного, дак увидел что задыхается он, ноги нямеют говорит, плыви мне, говорит, я сам! А я не могу, жизнь другу спасти хочу... заплакать не могу, тревожно мне... Попытался вытащить, так он не в какую, барахтается и вот так вот утонул. Двоих друзей-то потеряли мы тогда, горевали ужасно».

Как мы можем заметить, в тексте встречаются характерные для темных ангарских текстов негативно-окрашенные лексические единицы, типа *грустно, страшно, шторм, ураган, боязно*, а также повтор однокоренных лексических единиц *топят, утонул, потонул*, что маркирует текст к темные тона. В тексте практически нет светлых моментов, внимание говорящего направлено на передачу трагического события во всех тонах, а также передачу собственных пережитых впечатлений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Тематический и стилистический анализа ангарского мемората позволил выявить три эмоционально-смысловых типов текста: светлый, светло-печальный и темный.

Светлых текстов немного, поскольку прошлое видятся информантами в основном в темных тонах. Исключениями оказываются некоторые рассказы о семье, детстве, природе и воспоминания о земляках. Для светлого текста характерно гладкое, непрерывное тематическое развитие без метаречевых высказываний. Частотно употребление положительно окрашенной оценочной лексики. Также для выражения положительной оценки и для создания светлого эмоционально-смыслового мемората информанты используют такие приемы, как редупликация и гиперболизация. Языковыми маркерами светлых текстов являются оценочные прилагательные и эмотивы с положительной коннотацией.

Светлые мемораты включают вкрапления печальных текстов, в которых звучит тема сожаления, ностальгии. Такие тексты характеризуются смешением элементов одного и другого эмоционально-смыслового типов, на основе чего выделяется отдельный тип ангарского мемората – светло-печальный.

Темные мемораты – наиболее частотные. Они характеризуются наличием таких тем, как: «Превратности судьбы», «Чужие», «Жизненные трудности», «Промыслы», «Жизнь села» и т.д. Для них характерен мотив рока, судьбы, смерти. Языковыми маркерами темных меморатов являются негативно-окрашенные эмотивы и повторяющиеся лексико-семантические единицы типа *бег, догнать, стрелять, реветь (по-ангрски – кричать), задержать*, а также повторение *единицночь, зима*,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа включена в решение актуальных задач антропоцентрической парадигмы, изучающей язык в тесной связи с его главным носителем – человеком. Одной из лингвистических дисциплин, теория которой базируется на постулатах антропоцентрической парадигмы является коммуникативная диалектология. Эта отрасль отечественной лингвистики изучает прежде всего сам процесс общения на диалекте и продукты диалектной коммуникации – тексты и высказывания, которые обладают высокой лингвистической информативностью. Анализ работ в области коммуникативной диалектологии позволил установить, что в рамках коммуникативного подхода появляются исследования, представляющие анализ текстов диалектной речи в различных аспектах: жанровом, лингвоперсонологическом, лингвокультурологическом, тематическом. К числу актуальных задач коммуникативной диалектологии относится выявление общих для всех диалектов принципов организации диалектного высказывания, изучение коммуникативной структуры сельского общения на диалекте, социально-коммуникативных ролей традиционного деревенского общения, особенностей языковой личности носителя диалекта, формы трансляции диалекта во времени, а также анализ жанровых, структурно-тематических, эмотивных особенностей диалектных текстов. Таким образом, предпринятое нами исследование включено в круг решения актуальных задач коммуникативной диалектологии, поскольку в нем рассматриваются жанровые, структурно-тематические и тональные особенности диалектных меморатов.

Одним из основных объектов исследования коммуникативной диалектологии является повествовательный текст, для которого характерны событийность, антропоцентричность и эгоцентричность, имеющие связь с традиционными для сельской культуры представлениями об окружающем мире. Основу целостности повествования в диалектном дискурсе составляет

ситуация-событие, а также человек, который стоит в центре этого события, важны речь рассказчика, его оценки и мнения. Данные специфические черты повествовательного текста более всего отражены в жанре мемората.

Под меморатом в проведенном нами исследовании понимаются рассказы-воспоминания, в которых воспроизводятся личные впечатления обо всем пережитом, а также о судьбе родных и знакомых. Установлено, что мемораты как жанр диалектной речи по своей цели информационно-оценочны; рассказчик в меморате всегда субъективен, но описывает при этом факты реального прошлого, никак специально не приукрашиваемые; адресат обычно заинтересован в информации, заключенной в меморате, в диктуме меморат тяготеет к описанию прошлого, и только иногда в меморате говорится о других временных пластах; воспоминания полисобытийны. События обычно излагаются рассказчиком хронологически. Выявлено, что для устного мемората характерна следующая сюжетная схема: выделение действующих лиц; рассказ о том, как они жили, иногда – некая нарративная кульминация; выход из мемората – междометия, размышления. Используются эмотивные средства языка – слова с положительной и отрицательной коннотацией (от этого во многом зависит эмоционально-смысловой тип мемората).

Базовой для ангарского мемората является гипертема «Прошлое». Данная гипертема эксплицируется в текстах с помощью лексических и грамматических единиц с темпоральным значением: с помощью глагольных форм предиката «быть», наречий с временной семантикой «тогда», «раньше», «давно» и т.д., а также высказываний типа «в сорок первом году», «в 60-е годы» и т.д.

На основе формально-семантического подхода, который рассматривает тематическую организацию текста в виде тематической структуры, а также с опорой на принцип тематической разметки и выделения номинационных (тематических) цепочек, описана тематическая структура ангарского текста. За единицу тематического анализа в работе берётся целостный ангарский

монологический текст в жанре мемуарата. В ходе исследования составлены схемы тематической структуры ангарского мемуарата. Выделено пять тематических структур с описанием иерархии уровней и единиц каждой структуры: тематические структуры «Семья», «Чужие», «Работа», «Промыслы», «Суеверия и верования».

1) Тематическая структура «Семья», выраженная в мемуаратах наиболее ярко, что является показателем значимости темы «Семья» для сознания русского человека. Тема включает подтемы «Родственные отношения», «Межличностные отношения в семье», «Брачно-семейные традиции и отношения». Подтема «Родственные отношения» подразделяется, в свою очередь, на микротемы, связанные с мемуаратами ангарцев о своих кровных родственниках (об отце, матери, бабушке, дедушке, детях, братьях, сестрах), а также мемуаратами о некровных родственниках (микротемы: «Муж», «Мачеха», «Свекровь», «Теща» и т.д.). Данные микротемы имеют зоны пересечения с темами «Война», «Работа».

Подтема «Межличностные отношения» подразделяется на микротемы «Отношения со свекровью», «Отношения с мужем», «Отношения с отцом», «Отношения с мачехой» и т.д.)

Подтема «Брачно-семейные традиции и отношения» включает микротемы о воспитании детей, браке, сватовстве, семейных корнях). Типичные контексты данной подтемы включают воспоминания о народной педагогике, семейных традициях, замужестве и т.д.

Выявлено, что в ангарском мемуарате тема «Семья» может быть как фиксированной, так и спонтанной, поскольку номинации данной структуры присутствуют в текстах, тематически с ним не связанных.

2) Тематическая структура «Чужие». Антиномия «свой/чужой» связана в ангарских мемуаратах с воспоминаниями о жителях родного села, ранжируя их на собственно своих и чужих, по различным критериям. Тема представлена подтемой «Ссылные» (микротемы «Политические ссылные», «Интернированные», «Раскулаченные» и т.д.) а также микротемами

«Уголовные преступники», «Дезертиры» и т.д. Тематическая структура «Чужие» в мемуаратах практически всегда является фиксированной, воспроизводит заданную интервьюером тему.

3) Тематическая структура «Работа», также является наиболее частотной в ангарских мемуаратах. Тема подразделяется на подтему «Работа в поле» (микротемы «Сенокос», «Ферма», «Сбор урожая» и т.д.); «Работа по дому» (микротемы «Стрика», «Приготовление еды», «Работа по хозяйству» и т.д.); «Работа на предприятии, совхозе» (микротемы «Работа на почте», «Работа дояркой», «Работа на заготовках» и т.д.), а также на самостоятельную микротему «Труд».

В ангарских мемуаратах тема «Работа» часто имеет зону пересечения с темой «Война», темой «Жизненные трудности». Выступает как самостоятельной, так и фоновой, являясь во многих мемуаратах фоновым полем для выдвигания на первый план воспоминания о семье, войне и т.д. Так, тема может быть как фиксированной, так и спонтанной.

4) Тематическая структура «Промыслы». Промысловая культура занимает большое место в традиционной сельской культуре, поэтому выделение данной тематической структуры представляется нам важной для понимания специфики ангарской культуры. Данная тематическая структура представлена двумя, наиболее четко отраженными в мемуаратах, подтемами: «Охота» (микротемы «Встреча с медведем», «Охота на медведя», «Воспоминания о первой охоте», «Охота на пушного зверя», «Несчастные случаи на охоте» и т.д.) и «Рыбалка» (микротемы «Зимняя рыбалка», «Летняя рыбалка», «Осенняя рыбалка», «Бой на рыбу», «Коллективная рыбалка», «Несчастные случаи» и т.д.). Тематическая структура является в мемуаратах фиксированной, спонтанно практически не появляется. Отмечается предельная самостоятельность темы, не выступающей фоновой для других тем/подтем.

5) «Суеверия и верования». В ангарских мемуаратах мы можем выделить большое количество текстов, относящихся к тематической

структуре «суеверия и верования», что помогает нам наиболее четко представить миромоделирующую и языковую картину мира ангарцев. Тема подразделяется подтему «Персонажи народной мифологии» (микротемы «Домовой», «Банник», «Суседка», «Ведьма» и т.д.), подтему «Привороты и порча» (микротемы «Привороты на любовь», «Привороты на удачу» и т.д.), подтему «Люди, обладающие экстрасенсорными способностями» (микротемы «Урочливые люди», «Знахари», «Волшебки»), а также отдельную микротему «Поверья» и т.д. Тематическая структура «Суеверия и верования» по степени развития относится к пассивной теме, часто спонтанной и нефиксированной. Также может выступать в речи говорящего как самостоятельной, так и фоновой.

Путем выделения эмоционально-смысловых доминант определены эмоционально-смысловые типы ангарского мемората. Первый тип – светлый, который представлен единичными текстами о любимой семье, детстве, ангарской природе и о кежмарях.

Установлено, что светлый меморат включает фрагменты печального мемората, на основе чего выделяется второй тип ангарского мемората – светло-печальный.

Выявлено, что жизнь и прошлое видятся информантами в основном в темных тонах. Темные мемораты – наиболее частотные. В них затрагиваются темы превратностей судьбы, жизненных трудностей, взаимоотношениям сельчан с «чужими» (беглыми заключёнными), несчастными случаями на рыбалке/охоте. Для тёмного мемората характерен мотив рока, судьбы, употребление негативно-окрашенных эмотивов и такие лексико-семантические единицы как *смерть, ночь, зима, враг*.

Перспективным является пополнение текстотеки меморатов старожилов Нижнего Приангарья в результате диалектологического обследования Мотыгинского и Тасеевского районов, а также изучение меморатов коренных жителей Нижнего Приангарья в лингвоаксиологическом аспекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Бабенко Л.А., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие для вузов. М.: Флинта: Наука, 2006. 496 с.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 134 с.
4. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). / В.П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. 248 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
6. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
7. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.Томск, 2008. 26 с.
8. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
9. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293) С. 89–92.
10. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997. 234с.
11. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи [Электронный ресурс] / В.Е. Гольдин // Бюллетень фонетического общества. №7. Бохум, 2001. URL: <http://sarteorlingv.narod.ku/Articles/Izobrazitel.htm>. Дата обращения: 05.03.2016.
12. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Сер. Филология. Журналистика. Вып.1.

С. 3–6.

13. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 23–34
14. Грицкевич Ю.Н. Структура концепта «Будущее» в диалектном дискурсе // Казанская наука. № 2. 2011 г. Казань, С. 163–165.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб., 1999. 1609 с.
16. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
17. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике. М.: Флинта. 1997. 56 с.
18. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Издательство Томского университета, 2000. 190 с
19. Егорова И.Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2008. 214 с.
20. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К понятиям «Тема» и «Поэтический мир» // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып 365. Тарту, 1975. С.143–167.
21. Золотова Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 2004. 544 с.
22. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
23. Калиткина Г. В. Объективизация традиционной темпоральности в диалектном языке: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Томск, 2010. 42с.
24. Калиткина Г.В. Диалектная концептуализация традиции // Картины русского мира: метафорические образы традиционной культуры. М., 2014. С. 15–63.
25. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000 (а). С. 5–20.

26. Кибрик А.А., Николаева Ю.В., Федорова О.В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // *Computational linguistics and intellectual technologies*. РГГУ. М., 2014. С. 469–480.
27. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. (ред.) Хорошая речь. Саратов, 2001/2007. 156с.
28. Косицына Ю.В. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: дис. ... канд. ист. наук: 10.02.01. Т. 1. Кемерово, 2013. 242 с.
29. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Проблемы создания электронного диалектологического корпуса // *Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов»* / отв. ред. О.Ю. Крючкова. Саратов: Наука, 2011. С. 249–260.
30. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI*. М.: Прогресс, 1982. С. 193–235.
31. Матвеева Т.В. Тематическое развертывание разговорного текста // *Языковой облик уральского города: сборник научных трудов*. Свердловск: УрГУ, 1990а. С. 46–54.
32. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста*. М.: Прогресс, 2014. С. 5–42.
33. Новоселова О.А., Храмцова Л.Н. Фрагмент диалектной языковой картины мира: понятие «Работа» и лексические средства его выражения // *Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека: материалы международной научной конференции, посв. юбилею О.И. Блиновой*. Томск, 2006. С. 265–271.
34. Петрунина С.П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций): монография. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. 262 с.

35. Петрунина С.П. Пояснение в монологических текстах диалектной речи (к проблеме избыточности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 1986. 19 с.
36. Петрунина С.П. Служебное «то» в среднеобских говорах // Вестник Томского государственного университета. 2007а. № 294. С.61–64.
37. Русская диалектология: учебное пособие. / под. ред. Л. Л. Касаткина. Мск.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
38. Тырыгина В. А. О способе лингвистической идентификации темы в перспективе соотношения с жанровой категоризацией текста // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология, Искусствоведение. 2007. № 1. С. 92–99.
39. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
40. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.
41. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М.: Наука, 1992. С. 34–44.
42. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
43. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Книжный Дом, 2007. 472 с.
44. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
45. Яркина Л.П. Содержательная и формально-грамматическая организация текстов, представляющих метатему «производственный процесс» (на материале дисциплины «технология металлов»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1995. 20 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№1. О зеках

Наверное, до меня, когда вот была жись в Кежме, в каждой деревне, дома не закрывались да на замок там, на ключ, а потом уже, когда вот стали вот к нам привозить зэков, вот да как вот называли их называем, а потом стали закрывать на ключ. Они у нас в деревне ж не находились, Никакого контакта с местными не было. Их возили...как называются-то машины... автозаки, вот да, автозаки, их возили вот в этих машинах... До свидания... Но вот бывало, зэков отпускали, они к нам ..в деревне оставались.. говорили, что ужасы ужасы случались...били, девок молодых насиловали...воровали, понятно дело. Но боялись все страшно...

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№2. Свои-чужие

(Соб.: А вот ангарки чем-то отличаются от людей, которые приезжают откуда-то сюда? Коренные ангарки?)

Ну своим говором конечно они отличаются. Они... Не знаю, многие говорят, может быть, жадные! Они добродушные. Вот придешь, они на стол, хлебосольные они, они стол-то полный, накрытый будет. Обязательно, вот я к свекровке жить пришла вот, мой отец говорю... Пришла к ним жить, обязательно традиционный воскресенье – пирог рыбный из щуки, это обязательно. Блины. Выходной, мы уже с мужем ушли, мы от них жили по этой же улице, дочери два года уже исполнилось, пять домов от них жили по этой же улице. Ой, красотишша. Станем в выходной-то, а баушка-то наша уж бежит с блинами, да щучью голову-то отварит. У нас сметана-то, раз скотину-то держали-то, сметана была своя, творог, ну сметана-то у нас уж дома была. Блинов напечёт, щучью голову тащит, а некоторые-то не

понимали, ооой, она кого поставила на стол-то?

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№3. Отношения со свекровью

(Соб.: А свекровка как вас приняла? Она местная?) Свекровка? Она по-мойму... Она откуда... Ой как деревня-то называлась-то... Ну она приехала в Кежму-то жить, дедушка-то Улаев её видимо привёл в дом, вот так от. Я не знаю, как она вот.. Ну молодой пришла в Кежму, да. Ну как Сазонов говорит-то: оой, человек-то, никому вреда-то, зла не сделала, добрая, до сих пор вот я её баба-Таней называю, хороший человек, да, хороший. Вместе-то жили года три, наверное. Дома была чистота и порядок и уют, как бы это было всегда. А к лету обязательно белили. Обижать меня не обижала, пусть попробовала бы, космы бы повыдергала бы. Нормально, дружно жили мы, вот. Ну и чё. Дед Улаев, а она-то уж не знаю. Кстати, я им не позвонила, я надеялась, не надеялась, но я знала, что они никуда не поедут. Я им даже не позвонила. Не сказала даже. Да она никуда бы не пошла, она чё-то вообще не знаю.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№4. О воспитании тещей детей

(Соб.: А как она воспитывала своих детей?) Трое детей у ней, они все молодцы, двое сыновей, одна дочь, и они все... сын один, мой муж, живёт здесь, то есть мы здесь живем, старшая сестра и старший брат они живут в Омске. Все они, трое, они почитают родителей. Почитают, именно вот любят, уважают, и вот, они вот такие вот. Вот. Как она воспитывала... Про Гену, про моего мужа рассказывала: я на работу... в садике она работала.. как садик-то.. не садик.. как раньше-то, много-то детей-то жило, как называлось? (Соб.: Ясли, нет?) Ой, уж'жали они ещё... как называлось-то... ну короче

поваром была, варила там детям, они ели там всё это, кормили их. Ой, я, говорит, на работу – он за мной бежит, да это шо такой паршивец такой бежишь, я, грит крапиву-т и крапивой-то его, он, грит, заплачет. Я говорю: а те не жалко-то было? Ой, да Оля, да как не жалко-то, а куда, грит, денешься, мне на работу, а он бежит, христовый, за мной. Ну вот так-то. Ну вот как они воспитывали. И вот Гена-то вот был младший у них, и вот она рассказывала, Гена-то: оой, ты всё? Сашеньке да Наташеньке всё, у них деньги-то хранятся-то, а у меня нет? От, Генка, ты подрастешь, так вот и у тебя деньги-то будут, ну и конечно потом те-то уехали как учиться там и женились и замуж вышли, и он-то как остался, поскрёбыш-то у них и, конечно, деньги-то были у них.. у него, вернее. Я в школу ходила, десятый класс, а он уже после армии-то работал. Работа возле моего дома была, тут рядом, ну и всё это как бы вот так, и он, смотрю, и на мотоцикле «Урал», он на мотоцикле по хлеб, и он везде и всюду, то есть как бы хозяин, скажем так. Ну и с отцом на рыбалку, везде и всюду. На сенокос пришла я к ним в дом жить. Во, ещё не хватало, на сенокос я не поехала, делать мне больше нечего, сенокос, что вы! Ну а куда денешь, я так в душе-то подумала. Ой, жара, жарышша, поехали мы на сенокос, а ехать на лодке как бы там на остров, где сенокос их. Ну сено не косили, и косили уже мужчины, а мы-то как на греблю, грести надо, ёёё-моё. А, тётка моя: якуня-ваня, от это вот слово, это ангарское, оаай, якуня-ваня, я-то, мне, чтобы не отстать, это же грести надо, а как я уже забыла. Иду кстати, гребут траву-то, я еще наблюдаю, как же гребут-то, маленька-то думаю, ты не так гребёшь-то, долго, думаю, шкрябать-то будешь, вот, и грести-то, а я была беременная уже три-четыре месяца, ничё видно не было, а токсикоз был страшный, одну морковку сырую ела, и ту потом опять выплёвывала, ничё есть не могла, а тут на жаре и головные боли, а никому ничё не говорю и гребу наравне со всеми, уморилась, помню мозоль. Господи, носок сняла, на руку и опять дальше грести. А дед-то Улаев уже потом, ну увидел, видно, ой, чё-то передых маленько, чё-то встали, он такой по плечу меня: не можешь – сядь, посиди. Вот так то.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№5 О предках и раскулаченных

Дед Улаев был кулаком, он сам их Савино, деревня Савино, одна из старинных деревень. Ну как кулаком... ну какие они кулаки они были. Ну которые люди зажиточные, видно, их же кулаками, кулаками считали? Как вот...А что значит кулак? Скота держали, зажиточно жили... Вот, и он-то мне, а мне-то интересно вот, как, да чё, я грю: ну-ка, дедушка Витя, расскажи-ка мне, как вы жили да поживали? Ну интересно же, да, про ту-то жизнь. Ой, грит, Оля, раскулачивали, да сюда, забрали, даже, говорит, с Анной потники, потняки.. Чё потняки-то тако... Потник. То есть матрасы-то, да, на которых спали-то, обоссанные, говорит, всё, грит, забрали. Я грю: а по-чё их забирали-то, ссаные-то их куда? А вот чтоб не было у нас, чтоб всё отобрать, да чтоб вот голый как остался.А в семье-то у них было семеро, семеро. А мать-то я его застала, баушку Мотю Улаеву, а отчество-то не знаю, баушка Мотя, да баушка Мотя. Вот, а баушку Мотя-то она умерла в девяносто один год, и от кстати от Полине Улаевским, вот Улаевы-то сами, они такие долгожители. Сестре Улаева, деда-то моего, девяносто два года, сестре-то, она живёт в Красноярске. Каши варит, щи варит, дома убирает, всё готовит.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№6. История о домовом и отношение к мистическому

Я не знаю, домовой, или кто это, наверно домовой, может быть. Раньше же всё разговаривали, да про домовых там, любили страшные истории вот это вот всё. Тоже десятый класс, наверно был да, а сестра на год меня старше, она уже уехала в Красноярск учиться, а я одна в домике ночевала,

родители в зимове ночуют. И значит новый год, всё это дома, а я значит спать легла. Тут он подходит, меня будит: Ольга, чё, заложить тебя, или сама закроешься? Заложись? Я грю: ой, да сама закроюся. Ушел. Ну, думаю, полежу маленечко, ну уснула, конечно. Уснула. Просыпаюсь. А чё просыпаюсь – а не знаю, проснулась, да проснулась. О! Свет горит там в прихожей. Пошла, время – четыре часа утра. А у нас там в Кежме лампа горела, магазин «Северный» назывался, и лампа она освещала ну здоровая такая, высокая там вот всё освещала у нас огород и ограда как бы, ну и в доме-то не глаз выколи, да, темнота, так, ощущаешь, смотришь, видишь, что там и как. Ну и значит у нас в сенях лампочка перегоревшая была. Ну я открываю эту избяную дверь туда – раз, заложила, избу свою закрыла, тоже на крючок, наверное, и легла, легла. Вот эта рука сюда, эта под одеялом, тут торшер, диван так вот расправленный всегда и был, я на нём спала, так от заправим, как кровать и всё. Лежу. Кто-то стоит. Раз назад. В проходе-то стоит, в колоде-то, кто-то. Как человек. Рост человека, весь волосатый, без одежды. Ну я стала себе всякие прибаутки... Да показала туда да сюда, да и начала себя успокаивать, сама-то поняла я, что... А сразу он, вы знаете, как вам сказать... когда с тобой что-то приключается такое вот, да, и чувствуешь, душа, человек чувствует, что это не земное, что это не вот ты пришла, или вот ты ко мне пришел. Лежу, подходит. Подошел ко мне, к дивану, стоит, ну секунды две-три, начал перелазить. Ну понимает, что ноги-то мои, по ногам-то не скачет, да, и, значит, перелез и туда, к стенке-то лёг. Лёг вот так вот... А я притворилась... вот тут я как не спала ив реале заложилась-то вот и вот я легла и значит..и смотрит на меня, а я как будто, как я лежала, так и лежу, а, ну а про себя мысль, я понимаю, наверно, они мысли читают – я не знаю, как контакт имеется, не знаю, как объяснить, притворилась, что сплю, пусть, думает, что сплю. А сама то сюда, когда стоял, то сюда – я подглядываю за ним как бы вот в щёлочки-то. Ну и он так вот лежал и смотрит на меня, знаете, глазки кругленькие – ну вроде как по-доброму. как любит ли меня ли как ли вот так вот, лежал-то, лежал, а от меня никакой реакции. И он такой,

вы знаете, я такого звука не слышала вообще никогда. Он такой лежит и такой: «аааааааа» и такое громадное было. То ли не понравилось, что я молчу, или как, или что, а говорят, надо спрашивать... как спрашивать.... к добру ли, к худу ли? Я побоялась спрашивать, я побоялась торшер включить и побоялась... вообще моих любых действий: а вдруг не понравится – свет включу, или накинется, ну мало ли что. А про себя думаю: будь что будет. Ну если уж начнется там вот какое-то движение в мою сторону или чего – там уже я не знаю, чё я там буду делать уж, а пока не трогает, я буду вот... Я его не вижу, я сплю – всё, то есть как бы... Лёг такой, начал ложиться и одеяло берёт – под одеяло-то лечь, потом «аа» - смысл, типа, не буду, ладно ли, как ли, не знаю я, и лёг, лёг, и не понравилась ли как ли, и видно вот, сколько-то, не минута, нет, но секунд сколько-то, и как-то, знаете, в ноги раз-раз-раз, как бы вскользь и маленький какой-то оказался, как клубочек какой-то, в ноги, туда. Там вот если он как в виде человека так он ростом, да, в ноги там ляжешь, там куда там, я ж ощущать буду, а тут вот как вот так раз, вскользь и.. Лежала уж я, лежала вот в этом положении-то, ни туды и ни сюды-то, и лежу-то и лежу, оаай, христы в рот, каво делать-то – никак не делать, сплю ведь я, для него ведь я ведь его не вижу.. ой.. ну и, видно, лежала-лежала, и.. а душа чувствует, я почувствовала, что я вроде как одна, всё. Ну уснула я потом, я уснула. И просыпаюсь я.. уже светло было.. светло, раз сразу глаза кинула – никого в ногах-то. Ну и встала, и всё, и пошла в зимовьё-то всё это. Ну и потом рассказать – а не могу, меня слёзы душат. Ладно, успокоюсь. Опять хочу сказать – опять слёзы душат, а потом – всё, говорю, не буду одна спать, говорю, приходил кто-то. Папка мне да матами: ёбана в рот, там, кто придёт – голову отверну. Я говорю: да ты не понимаешь, говорю, это не человек, говорю. Ну и всё, и мама там потом к бабушке там ходила, наговОр, водичку, со мной поспала наверно две ночи, ну, Ольга, мол, никого нету, никого да никого. Я потом опять давай одна спать, никого не было. Ну вот так вот случай был.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

№7. Истории о наведении порчи и приворотах.

Зовут её Светлана, женщину. И чё-то вот тут встретились: ой, здравствуйте-здравствуйте, каво да чево да как поживаете, ага... и чё-то разговорились, не знаю по какому поводу, она мне говорит: ой Оля, да ты чё, в Кежме-то у нас чё творилось-то. Я говорю: свят-дух, никогда никого не слышала сроду. И она говорит: вот дочка у меня убежала как-то к соседке, нету-нету, нету-нету, ну сотовых-то не было, ага, пошла я её встречать. Зима. Ну а сумрики-то, сумерки у нас как ранние, пошла, ну а лампа освещает ещё там, а улицы освещаются все-равно. Ну, говорит, иду, смотрю – дочка моя бежит. Смотрю, говорит, я не поняла, по дороге, здоровая, метра два тень шагами здоровыми с той стороны дома, допустим, наискосок. Я, grit, оцепенела, стою, и дочь-то моя бежит, ну кто вперед не знаю там, как-то не было такого. И дочка-то ко мне, и эта тень-то на ту сторону-то, через канаву-то, и в какие-то дома. Я, grit, дочку-то обняла: не испугалась? Она grit: нет. Я грю: а чё это было? Она grit: Оля, кто-то порчу напустил в конкретный дом, и эта порча... Я грю: свят! Вот никогда не слышала, живя в Кежме вот такие дела, никогда и сама не обращалась, и как-то вот, ну речи вот не было, а вот услышала, что вот так. И потом... А потом, кстати, я слышала, да там вот у нас женщина одна жила недалеко, и она умела видно ворожить да гадать и как-то она чё-то наговорила на меня, да некрасиво, и соседка мне сказала. Я говорю: оаай, Галя, в первый раз слышу. Я говорю: я там и не была, и никого, говорю не делала, она, грю, под чьё место-то, грю, это сказала? Я грю: свят-дух, грю, вообще никаким духом, ниче, ага. И это, и потом она говорит: так ты знашь, она ведь и гадать и ворожить. Я грю: ой, храни Бог таку соседку рядом, ага... И она значит говорит. Переезжала дочь её, и она дочери говорит: ты вот залезь в подполле-то и вот с матицей вот так-то и вот так-то сделай, и вот так-то скажи. А дочь-то говорит: поди-ка нафиг, буду я там говорить чего-то, зачем это мне надо.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№8. О разрушении церквей.

А вот на месте вот этой церкви же потом вот клуб был, построили, был при мне уже был клуб. Вот. Алексей Фёдорыч как-то же её в стихах изложил, и как-то все эту версию приняли. Рассказывали, что человек, который крест сбрасывал, погиб. Ну вот и в общем ещё я про одну церковь тоже читала, что погибли все, кто участвовал. Поверье ведь такое даже ходило...Свержение не этой именно, а другой там...что их настигает, или их детей настигает потом беда, они не знают, откуда. Видимо, люди в этот момент так их... ну к ним чёрные силы какие-то посылают, люди, которые их в этот момент, наверное, ненавидят и прочее, что эта вот энергия с ними идёт по жизни. В Кежме церковь не разрушали, сбросили колокола просто, и все.

Информант: Улаева (Жбанова) Ольга Викторовна, 1969 г.р., с.Кежма

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 8 июля 2015, г.Кодинск

№9. Ссылные

Так мы маленькие подымалисяраньше, если политические приезжали и всякие ходили...Ссылали-то их, мы всех принимали, всех кормили. Даже и ночуют, и один политический вообще жил долго...мы до сих пор вот вместе, все эти годы...

Информант: Крикау Елизавета Андреевна, 1927 г.р., с.Паново

Собиратель: О.В.Фельде.

Записано: 10 июля 2015, г. Кодинске

№10. Рыбалка

Рыбачить рыбачили. На лодках. Раньше просто «лодка» и всё. Были лодки просто деревянные, из овсины были лодки, лёгонькие, хорошие лодки. Легче, чем сейчас... А такие, простые – из сосны. Ну, как сказать, я не сама

рыбачила, помогала только. Так от, вы были у Августы Васильевны, это чистая рыбачка. Она одна в деревне, тут у нас из женщин никто не рыбачит. Особо-то так. Ну я с мужем ездила... с мамой вначале ездила рыбачила сеть... помогала сети ставить, да и всё, а сама, чтоб одна – нет. Вот Августа-то она одна всё это самое, настоящая рыбачка. Они и щас еще рыбачат. На Ангаре мы не рыбачили, мы только тут на речке... Речка тут в устину... по устью речному в Ангару... к Ангаре подъезжали, но чтоб на самой ангаре – не рыбачили. Зимой уды ставили. Летом сети. И зимой сети ставили: подлёдный лов. А рыба...какая тут рыба. Мы уж не такие рыбаки сильно были. Ну всё своё. Ельцы, сороги, сигИ, тайменя иногда, шуки, налимы. Это очень вкусная рыбка, она небольшая, с килограмм наверно, жирная. Вкусная, хорошая рыба. Вкуснее всех этих почти, и даже тайменя вкуснее. Таймень тоже вкусный. Но эта ещё жирнее и вкуснее. Мягче как-то. Делали прорубки... ну как от вот примерно с такой прорубку делали, шест большой берёзовый и туда привязывала...там была привязана нитка такая большая и удочка. На удочку... ну кто сажал, кто не сажал, кто хлеб нацеплял сухой, кто червя, если это запасёны были, запасали каких-то белых червей с этого... с сосны, с-под коры. Кто как. Вот там в основном на налима. Зимой только налим попадали в основном. Таймень, и всё это уже летом, весной, когда лёд пойдет, после льда.

Информант: Глушкова Марина Васильевна, 1932 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 12 июля 2015, с.Заледеево

№11. Знакомство с мужем

Ой, ну вы дотошные, ишь вы! Да я смеюсь, я смеюсь, ничё, щас уж мне всё-равно. Как познакомились...Муж сюда приехал работать механиком. Я работала бухгалтером, всю жись, между прочим, как вот молоденькую меня послали.. ну кончила школу, раньше же семь классов у нас тока было, вот я семь классов кончила, в колхозе поработала немного, потом меня отправили

учиться.. и вот, я потом приехала и бухгалтером всю жизнь работала, да конца, прям на пенсию ушла с этого.. Ну и муж приехал, познакомились. Приехал где-то в апреле, в ноябре мы уже свадьбу сыграли. Не церемонились! Щас одна живу, скучно же одной. С мужем хорошо жили. Муж очень хороший был.

Информант: Глушкова Марина Васильевна, 1932 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 12 июля 2015, с.Заледеево

№12. Обряды, обычаи.

Ну как... ну здесь сильно обряды как-то не так принимали, обыкновенное гуляние было. Ну там наряжались немного, дружка... ну это человек, который ведет свадьбу. Вот... всё это, вопросы задавали, всё такое. А так, чтобы это сильно-то уже таких обрядов, как от щас... ну в которых деревнях сохранилось, у нас таких не было, просто гулянки устраивали, и всё. В нашей деревне нет, не было каких-то обрядов уж прям... Песнями нет. А от Кежма.. когда нас соединили, у меня от тут соседи были, я первый раз услышала. Женщина померла у нас как-то... ну скорбно провожают, наши не поют на свадьбах, нет. А оне раз... просто нашим-то интересно было, запели. Но это кежемские, не нашего района. Может, и щас... щас же у нас тут перемешано... их когда соединили, перекрывали Ангару и всё... их же всех это самое, переселяли, много сюда с Кежемского района переселили, и вот у них мы эти обряды слышали, что они... Может и щас некоторые поют, но я не бываю... не у всех бываю на похоронах, но у которых бываю, правда не слышала песни. Хотя и времена раньше хорошие были! Народ дружнее был, к слову пришлось. Как-то мы раньше... как вам сказать... щас вот... вот я на своих детей посмотрю, они раньше соберутся там человек пять-шесть, всё – у них компания. А у нас раньше в деревне по тридцать, аж по сорок человек собирались компании.

Информант: Глушкова Марина Васильевна, 1932 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

№13. Ссылные и репрессированные

Ну немцев-то к нам прислали, присылали. Да они и шас некоторая молодёжь-то здесь. И в деревне есь, и в Кодинке есь, они все попереехали, и в окрестных деревнях имеются ещё. Ну одна семья... многие уехали в Германию, когда это всё.. перестройка была, когда это всё разрешено-то было. Многие уехали туда, некоторые остались, кто-то переженился – немцы с русскими, кто-то из-за этого остался, а кто-то и туда уехал, наших которых увезли. И ссылные были. Но их не так много. Но были. Их я тоже немного помню. Когда война началась, мне было восемь лет, и потом... ну где-то их в это время... наверно их попозднее что-ли их... вот через дом у нас... бунт врачей-то, врачей-то много высылали, вот к нам врачей высылали. В нашей деревне молодые врачи были, ну в основном женщины, вот они там женщины жили. А в той деревне – там мужчины. Двое или трое было, один врач был. Вот, мы с девчонками... нас трое как-то на покосе были и вечером приехали, в баню домой обычно в воскресенье ездили...мы искупались, и на утро заболели. Ну признали: тиф. Нас потом все волосы, и всё у нас обстригли, и вот этот врач нас... писят восьмая статья они назывались. Ну их всех, наверно, в основном уже... простили как сказать, да они и не виноваты были, чё там говорить, только что трудно конечно им тут было. Городские, да в наши условия попадать. В то время ещё и... ну уже наверно электричество было и радио было, телевизора не было. И вот очень хороший врач, он нас лечил, от я его хорошо запомнила. И где-то он здесь и, в Богучанах ли где ли, помер. В то время у нас-то врачей не было таких. Так может и... ну наверно санитарка какая-то была, просто так ли.. или фельдшер.. А эти же были образованные, они... конечно, я не знаю, но наверно, какой-то был он главврач ли, хто ли, уж очень хорош... хорошо. Ну вот, ещё я помню жил здесь один ссылный поляк. Когда в Польше эти восстания были, его сюда сослали семнадцатилетним парнем, и он так здесь

и помер, здесь похоронен. Патик Пётр Станиславович. Патик. Хороший был, но бедный был... придеть, поможет по огороду что, бывало что и принесет что-нибудь. Хороший, добрый мужичок был... Ещё одного старика знаю: Франц. От как у Франца отчество забыла, и фамилию не знаю. Наверно, немец. Ну он до немцев был. Тоже, видать какой-то. Может даже и не немец, а тоже чё-то по политической линии его сослали сюда. Но этот уже старик был, седой, с усами. Еле-еле ходил, милостину собирал, так сам уже не работал, ничего, от это помню.

Информант: Глушкова Марина Васильевна, 1932 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 12 июля 2015, с.Заледеево

№14. Отношение к ссыльным.

Да конечно не плохо относились к им, никто здесь, никаких предубеждений не было, чтоб жалели, наоборот. Когда немцев к нам много сослали, в начале много их было, чё... голод же был, и наши-то не очень хорошо жили, но у наших как-то ещё... хлеба, конечно, тоже мало было, ну огороды свои были, сажали, рыба была, у некоторых... ну.. молодёжи уже, молодых мужиков, не было, охотников, они в основном погибли, много очень погибло из деревни. Ну эти... ну некоторые охотились, мясо ещё какое-то добывали. А они ходили, ребяташки чё... У нас у самих-то ничё не было, я даже щас помню, с котомочкой ходили, мать, видно, им сделала через плечо котомочку. То картошку даст кто, кто может и лепёшку какую-нибудь, хлеб-то тоже был в прикуску, так сказать. Мало было... Потом как-то было овсюга очень много – чёрного овса и перемалывали его, и хлеб из него... Вперемешку с другими, с пшеницей, да всё. У него ости большие были, эти ости торчали. И вот многие эти ости желудок, чё, повредили, мы как-то ещё сохранились немного. А многие желудки заболели, от это как будут операцию делать или аппендицит, от эти ости находили.

Информант: Глушкова Марина Васильевна, 1932 г.р., с.Заледеево

№15. Воспоминания о детстве.

Жили мы в Проспихино. Это самое...была...деревня богатая по тем временам, как я родилась и была моё детство, потому что был большой леспромхоз. Леспромхоз был, в основном, в Прсопихино и в Балтурино, и все вот эти деревни – они, в основном, эээ Тагора, все и школы была у нас большая – десятилетка. Все...больше к нам, в Проспихино приезжали, и интернат у нас большой был, а директором школы у нас был Виктор Васильевич Умрихин, из наших он был, ангарцем был. Это был от Боха человек. Правда. Хороший такой был он. Все делал для людей, для детишек особенно. И так вот, я помню у нас в школе... вот щас же коридор да коридор, и всё? А у нас был коридор покрашен в две дорожки. Вот чтоб сазу, с первого класса учились ходить мы...туда идешь, если - по одной стороне *неразб 9:10-9:11* если ты пошел по этой стороне обратно, а уже с той стороны идёшь коридора - уже по той стороне идёшь. И вот такие дорожки были. Я щас таких нигде не видела. Вот чтоб...только были они покрашены прямо, чтоб это...вот...у нас в школе такие были. Сто лет Ленину было у нас... в этом в Проспихино большая гора была – Глинка. И вот на этой Глинке «сто лет» кострами выложили. Вот костры прямо вот цифру «один», «ноль»...лет также. Всё это выложили. И вечером вся школа собралась, поздно вечером, и это же двадцать второго апреля все собрались. Это было очень памятно! И зажгли вот эти костры. И это так, ну вот, знаете, высоко...как...далёко было всё. И это всё горело, вот. Вот красиво было, вот. Детишки то бежали к ему, тольк ради него то и обучились хоть чему-то. Это всё, конечно, была заслуга Виктора Васильевича...он у нас был. Потом он позже уехал в Кодинск. Он в Кодинске был директор. Тоже он уже...нет его. Вот. Ну, а сама, почему у меня детство было такое? Моя мачеха была учительницей. Что может быть я, конечно, бы и где-то была еще и даже

хуже. Она прививала мне ко мне какую-то культуру, какую-то что-то там где-то... не так. Она сама работала, жила в Джимбуле и детдоме. Мама умерла – мне было четыре годика, и папа привёз её к нам в деревню. У неё там родственник были. Ну и мне казалось, что я ребёнок такой. В детдоме чо? Они же все худенькие там, а я такая пышка была. И она меня в баню...общая баня была в Проспихино. Леспромхоз же. И она меня в баню не водила. Она меня в...купала в ванне. Папа придёт и говорит: «Ты куда эту...эээ...кобылицу посадила в ванну-то мыть? Ты...эээ...веди её в баню». А она боялась, что меня сглазят. Что посмотрят, что ребёнок толстенный такой, ухоженный, пышный. Всё и не водила меня в баню долго. Я помню в ванну сажусь, не выхожу из неё долго. Ну, четыре года, пять...всё равно помню. Помнила. И вот она меня не водила. И заставляла...не то, что там она жадная или что-то была. Конфеты, все это конечно, было. Папа в Леспромхозе работал - он на катерах ходил. А...летом...лес же заготавливали. Он лес справлял, а зимой...заготавливал этот лес там на нижнем складе, или где там, а она всю жизнь вот то, что учительницей была. И вот она конфетку, там или там чо-то яблоки...с хлебом ешьте. Хлеба отрежет. С хлебом. Ну не то, чтобы там больше...а чтоб сытнее чо зря то. Живота-то не напашешь...надо вот-вот...помаленьку. Ну, потом...закончила восемь классов. Захотела ехать учиться в Совхоз же. Колхозы, совхозы стали на агронома учить. Вот поехала туда учиться. По силе, возможности не смогла его закончить, и вернулась снова в деревню. В деревню приехала. Бабушка с теткой у меня переехали во Дворец. Это всё в Проспихино было. Переехали во Дворец. И я к ним приехала во Дворец. И вот там...пожила немножко у них. Где-то работала...где-то на ферме приходилось работать. И, вот, вышла замуж.

Информант: Адамайтис Альбина Николаевна, 1957 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 11 июля 2015г., с.Заледеево

№16. Урочливые люди.

Были. Были урочливые. Моя даже бабушка была. Слушайте. Сплю я у них во Дворце и слышу они в трубу орут: «Проша! Проша!». Знаете, аж мурашки по телу. Проша – это муж бабушки тёткин был Машин. Она всю жизнь жила одна... и он ушёл в лес... и его долго не было. И вот, они в трубу его затопили русскую печку, и они ревут его в трубу-то, и он в лесу слышит. И ведь услышал, и приходил. Вот. И даже моя, что я щас живу с мужчиной-то, с Иваном, его сестра в Кодинке...и мы как-то ну... приехала... в гости собрались. Она говорит: «Я помню во Дворце у тебя бабушка да чо-то знала». Я говорю: «Да никого они не знали, не грузжай!». А она говорит: «Нет, знала! Она чо-то там летала». И она меня потом учила этому, что печку затопляшкo, как только затопляшь печку. Печку же мы топим. Только затопляшь печку, и кого тебе надо – реви, если он где-то...в плохом или худо ему где-то, на рыбалке, может на охоте. Может уехал куда-то, и долго его не дождашь...нету. Вот реви мол в эту. Ну я, конечно, в это не верю в это.

Информант: Адамайтис Альбина Николаевна, 1957 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 11 июля 2015г., с.Заледеево

№17. Суеверия.

От, точно знаю, раньше говорили как – если муж рыбачит и рыбы полно добывает – быть беде. Вот, Коля у меня покойничек, завалился с шуками, поежет в мешке не одну, две, а много. Я просто даже...ну тогда молодая была. Во Дворце жила. Думала чо? Добыл и добыл. Слава Богу. А соседка у меня была баба Таня жила. Тоже покойница...говорит: «Ой, Альбишка, это худо. Рыба-то на голову идет». Ну, к покойнику...то есть, когда много рыбы ловит – тоже не хорошо. Приехал ко мне папа с Богучан. Они уехали уже туда жить, сделали там себе дом, состроили и приехали ко мне. И вот...буквально прошло... наверное, ну может, с неделю...он с моим Колей уехал там на Ковую рыбачить. И оттуда он уже привёз его неживого. Вот это вот точно! Вот такое я испытала сама. Потом у меня болел муж, но я

уже знала, конечно, что он...когда-то всё равно приедет и будет вот...сильней будет собаки. Это уже точно. Это уже точно все молодые знают. Ну и потом всё равно предчувствие было, что я вот даже ушла из дому, я знала, что вот он именно первого сентября я ушла...потому что...я не спала ночь сама, и какие-то мне сны вот снятся такие, что я вот прямо там у нас вот такая любовь...чуть ли не до...не видела во сне...вот как будто хата была и свадебное платье. Вот это всё, вот это было. Неясно, но видела. И вот сколько видела, вот сколько видела во сне его...не приходилось так вот чтобы в плоти разговаривать и всё. А вот уже семь лет, и увидела во сне...вроде мы во Дворце. И вот он сидит, а мне надо снять с него сапог. И я снимаю с него сапог, а он так ногу то не даёт...ну кое-как сняла я сапог с него, а он так на меня зло смотрит и говорит: «Ты всех кормишь. Всех кормишь, а я-то ведь голодный». И правда он...ну чо болел, может и не ел.

Информант: Адамайтис Альбина Николаевна, 1957 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 11 июля 2015г., с.Заледеево

№18. Воспоминания о бабушке.

Ну, ругать бабушка Матрена не ругала, потому что я была маленькая сиротка, мама умерла рано. Но... пойдёшь на речку половики там шоркать, придёшь быстро вышоркашь, а чо охота идти шоркать? Замочишь – они полежат. Накупашся, и к вечеру придёшь, приташишь, волоком приволокёшь.

-Ты стирала? Ты...ты шоркала дорожки-то?

-Шоркала.

-Эх, ты змея то, лихоманка. Где ты их вышоркала-то? Грязь вся...потёки.

-Баба, я завтра поду стирать.

-Нет, ты завтра ты не подёшь. Завтра ты...ты будешь завтра крапиву рвать.

Так что вот она могла вот это. Работящая была. Для нее любимым занятием было картошку копать. Она могла наклониться с утра в фартук, картошку идёт собирать. Раньше же чо? Мужики вперёд шли-то, или куст просто... земля-то не ноняшня. У нас во Дворце дак без сапог не пройдёшь без высоких. Очень хорошая земля была. И вот она идёт в этот фартук собирает, слаживат слаживат картошку...и ...может по два по три идти не разгибаясь. Выкопав свою картошку, и она: «Я поду к Верховым...картошку выкопаю». Там папа ей говорит: «Мамаша, дык ты почево идёшь картошку копать? У нас чо мало картошки?». А у них какой-то сорт им привезли откуда-то, я пойду у них покопаю. Вот. Что я была маленькая – она мене так любила. И я...что сиротка...я не могла уснуть не натербив у неё вот так вот шею, тосковала видно. Я совсем-то не помню, как теребила чо. Это я не помню, а что помню, что она шлёпала меня по руке. Видно ей же больно была, у неё синяя вся шея была. А папа выскочет, за заборкой всё слышно-то: «Ой, наругала-то девку. Не могла уж ты потерпеть. Тебе чо? Больно что уж так шибко, что ругала?».

И работала бабушка, работала бабушка...сильно много работала. У неё мужа забрали на фронт, и он так и не вернулся...еще в Гражданскую. И папа то работал, и сестра – тётка работали, и их, что они работали много и у них было все - их раскулачивали. Ну, а потом они попржиместей стали, говорит, потом они кулачили. И я вот ей говорю: «Кулачка ты, баба». Какая кулачка? Работать надо.

Информант: Адамайтис Альбина Николаевна, 1957 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 11 июля 2015г., с.Заледеево

№19. Знакомство и жизнь с мужем.

Ну, кому это интересно, как познакомились. Он был женатый, у меня тоже двое детей было. А познакомились – мне было девятнадцать лет, вот. Старшего сына я похоронила – сорок шесть лет было. Ой, ну как мы

познакомились? Мы дойками работали, доярками. Ну, раньше то бы дойки... «Ты куда побежала? – На дойку». На коровник, на дойку. Было такое, что вот у нас «на дойку». Это то, что там коров подоить, это другое было - с места на место. Ну как? У тебя корова, и ты поехала куда-то, и ты меня позвала: «Ты подои, баб, пожалуйста, мне корову?». Вот, это называется...значит, я прихожу к тебе. А на дойку, у нас значит это...общие дворы были. Дворы были. В том конце, шас не помню – переделанное всё. На дойку! На дойку! Летом мы ездили на дойку где Хребтовый...этот...берег вон там, но шас там кладбище. Каждое утро у нас было семь доярок, и мы каждое утро вставали в четыре, три часа...летнее время. В зимнее-то здесь вот у нас коровушки были. Бежишь вот по улочке, в окошко стучишь: «На дойку! На дойку!». Вот! Уже встаёшь, уже готовятся все, на лодку...на лодку моторную и уезжают, уезжают все. Ой, было. Для нас вот...восемь лет работала я на дойке. На дойке мы и познакомились. Тринадцать лет прожили для двоих. Он меня бил, избивал очень, очень-очень сильно. Что поделаться-с мужем рассталася, не смогла я так жить уж больше. Знаю я, жанился на другой.. так там тоже бил.

Информант: Попова Нина Иннокентьевна, 1944 г.р., с.Климино

Собиратель: М.В. Быльцова

Записано: 12 июля 2015г., с.Климино

№20. Ведьма Соломея.

А вот я тогда ещё не большая была, свиарник у нас был. У нас женщина была, они мне рассказывали. Была женщина, она тоже здесь где-то жила, её убили. Летает по свиарнику. Света не было, они с летучками. Ну, это лампа, туда стекло вставляется. Она называется как керосинка. И когда они на свиарнике работали, и вот эта ведьма, мне Колпаков рассказывает – муж, с которым дети у меня, он мне рассказывал, что такое-то было, что идёт он, глядит птица какая-то. Убираемся в каютах свиней. Сядет, говорит, на плечо...ага. Я <Колпаков> говорит: «Боюся!». Тётя Соломея, помнишь её? И он такой: «Што это такое?». И её сын, тоже тётя Соломея, колдунью тоже

звали Соломея, он поймал на ней эту птицу - колдунью и в печку выбросили ее, а печка раньше-то топились, это сейчас никто. И в трубу вылетела и вся обгорела. Это вон там хата на углу. Проходит мимо нее и говорит: «Кума, так ты по што обгорела это?» Говорю: «Дак вот – упала». - Дак нет! Мои ребята взяли тебя и в печку птичкой бросили. Но она потом больше никому не наделала зла. Потом её убили.

Информант: Попова Нина Иннокентьевна, 1944 г.р., с.Климино

Собиратель: М.В. Быльцова

Записано: 12 июля 2015г., с.Климино

№21. О матери

Мы не бегали. Не бегали по деревне. Папу в армию взяли. С отца у меня осталась еще сестренка, ногами не ходила. И вот, отца- то не стало, мама одна осталась с нами двумя. А мама в доярки пошла работать. Утром рано уйдет, а я нянчилась с ней, ходила все за руку ее никуда, никуда. Потом, побольше стали подросли. Вечером мама поздно Мама приедет. Утром уедут опять в четыре часа. Приедут. Молоко сдадут на молочну. Час-два дома побудут, опять поехали. В обеде доили коров. Вот. Опять доить поедут. Наказывают, вот: «Вот это сделай, вот это сделай. Ты давай муки начей, опару процеди. Все. Опару, дрожжи собери». Все. А как? Все надо делать. Не сделаешь – отлупят. Мы все эти доски на реку стоскаем, песком вышаркаем, далеко, и вот опять домой. Ухваты, лопаты и все. Все стаскивали. Все. Мы не ходили, не бегали по деревне. Нам некогда было бегать. Вот. Надо маме помогать.

Информант: Секурцев Николай Иванович, 1930 г.р., с.Паново

Секурцева Валентина Васильевна, 1935 г.р., с.Паново

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 9 июля 2015г., г.Кодинск

№22. Воспомявая о судьбе некоторых ссыльных и заключенных

В сороковом...нет, в сорок первом, их когда сослали с этой самой Саратовской-то области, их всех разделили сюда в вешнюю часть. Шнайдер тот же. Филипп Филиппович, Шнайдер. Люди-то хорошие были. Люди-то очень хорошие были. Люди трудолюбивые. Их сразу приняли люди нормально. Работали, доярками работали. Постепенно время прошло, разъехались все. (То есть Вы их за врагов не считали, да?) Нет, ну как работали вместе, как считать то? А в Паново-то называется сейчас «Вас» говорит «еще не доби́ли, надо было доби́ть». В Паново то говорили, что: «Вас надо было доби́ть, а вы еще живете». Немцы, говорит, недоби́тые. Был такой ссыльный, его звали Родя. Родионом так был, а его звали Родя. Ну я помню так. Ну, он ходил...у кого увидит, идет в деревню зайдет, увидит, утащит. Просто забирал, утаскивал, как вор. Поисть надо. Больше он ничего не брал, а потом...его...не знаю его где-то...в Аксёнове это...ободрал две квартиры. Его милиционер...его убил и затолкал в прорубь. Его судили потом. Ой, да много привозили. Они все сосланные. Все политические были. В живых тут нету...ни осталось никого политических.

Информант: Секурцев Николай Иванович, 1930 г.р., с.Паново

Секурцева Валентина Васильевна, 1935 г.р., с.Паново

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 9 июля 2015г., г.Кодинск

№23. Охота на медведя

Был случай на охоте интересный. Медведя убивал на воде. Мы видим из дома – плывёт медведь. Поплыл на нашу...в деревню. Увидели, вон, а скот ходит, овцы ходят. Я говорю: «Приплывет тут и все задавит». А потом Иван Фёдорович – животновод был. Я говорю: «Поедем на лодке. Заведем лодку. Кругом острова объедем. Нам сюда уже не попасть. Он...может на ту сторону может уйти». Поехали туда. Приезжаем, а он уж далёку уплыл. До берегу осталось...метров тридцать. Вот, подъезжаем мы к нему. Раз пять

стрельнул в него - убили. На берег подтащили. В лодку и домой.

Информант: Секурцев Николай Иванович, 1930 г.р., с.Паново

Секурцева Валентина Васильевна, 1935 г.р., с.Паново

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 9 июля 2015г., г.Кодинск

№24. О детстве

(Галина Феофановна, ну Вы же детство свое помните, родителей помните?) Помню детство. Родителей не помню...так а какие родители, у меня папа, мама умерла, я на двенадцатом году осталась с отцом. Нас много осталось, семь человек осталось, она умерла. Отношения с мачехой плохие были.. В школу ходили...Вот это школа была, семилетка. Так это то, это те поставили. Это садик строили совхоз! Построили садик и сожгли. После школы это уже строили. А вот здесь, на этом месте было два дома. Жили, а я не знаю кто тут жил, чьи они дома были. А тут ясли были раньше. Но я их плохо помню, помню только один раз вот я была в яслях и пила цяй (чай) из вот такой вот чашечки. И вот как сейчас вижу эту чашечку и вот этот цяй был такой вкусный, я его сроду боле не пила, такого чаю. Вот запомнилось именно.. вкусный. Да, я вот худо, но это помню. Вот это помню. И убегали мы раз по окошку в по подпольному, убегали к этим, к Улановым, наш брат, Валентин, был, а вот Таньку ниче не помню, была она с нам или не была... Ну мы не одне, еще там ребятишки, выползем и к Улляновым, вот внизу-то уйдем и у них во дворе играм.

Информант: Верхотурова Галина Феофановна, 1942 г.р., д.Иркинеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: в 2014г., д.Иркинеево

№25. О домовом, о деревенской ведьме

Про суседку? Слышала, меня самоё раз давил суседка. Ну, я спала, Валентин ушли с матерью на улыну, а Олька то маленька была, а Сережка побольше. Ну я в спальне лежу, сплю, потом встала, пососила девчонку, ну и

лежу, лежу и видно заснула ли чо, и вроде шибко не спала, а он меня давить... давил вот как чечас чую... тяжело чо-то. И чо-то я как сказала, он ушел и не стал меня давить. Ну вот раньше как говорили "Дедушка-суседушка, к худу или к добру?" И он как "К худу", типо протяжно. Вот так я слышала. Типо "ууу". Худо делал тем, хто спрашивал. Ну я не верю, хто спрашивал. Ну как это во сне и мне сразу в голову войжет, что надо его спросить? Я думаю люди это врут. Вот все во сне видят, и я во сне вижу. Вот у меня муж умер, третий год, я его не вижу во сне. Вообще не вижу! Он со мной не разговаривал ни разу. А видишь, люди-то говорят как: ой, батюшки, сильно разговаривают. Я не знаю, я в это не верю. Ну как он может разговаривать, если он мертвый. Слыхала историю вот каку, даже у свекровки слыхала. У нас вот баушка была, Пелагея, я то ее хорошо помню, но я этого и не знаю, а люди говорили, что она летала. И вот свекровка мне рассказывала, что мы как купили, как перешли сюды, в этот дом, она рассказала, что свинни приходили и даже свинни одну избили свинню, и старушка лежала болела, но она не сказала, что она... Волшебкой называли таких людей, кто превращаться мог.

Информант: Скурихина Галина Феофановна, 1942 г.р., д.Иркинеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: в 2014г., д.Иркинеево

№26. О мачехе

Умерла она(мачеха) в октябрьское, хоронили день-два, а на Новый Год он уже привез новую жену. Он съездил в Бедабу, оттуда привез. У ей было 4 девки: три замужем, а одна еще прожила с нам сколько-то. Отношения с мачехой плохие были. Нас же много было, а зачем она шла? Ей и не надо было ходить. Плохо ели мы, коров двух держали, она привела одну корову, и наша была. И есть то не готовила, ниче не делала! Своим детишкам все...знать...все давала, а нам обьедки все (И мачеха как относилась к детям?) А чо она относилась, у ей девка была своя, училась. Вальку увезли нашего, как увезли, они сразу Сашку к дяде отправили, в Мотыгино. Потом

Анька, ничо не сображат, как она уехала, или они в Мотыгино ее сразу отправили, а она в Красноярске жила сколько. Это она на 2 года меня постаре была, а дома осталась, а Валька учился в Замякино, брат, меня постаре тоже. А Витьку там в армию потом взяли, он служил на китайской границе, 5 лет служил. Потом женился, а угадал около Москвы деревню, там женился, там и умер. Ну, приезжал два раз сюды. Плохо ели мы, коров двух держали, она привела одну корову, и наша была. И есть то не готовила, ниче не делала! Своим детишкам все...знать..все давала, а нам обьедки все. А надо за интернат платить, и одеть надо, и поись ей, а мы то чо, дома, а нас кто будет? Она нам денег то совсем не давала. Била даже, бывало, пока папка не видит. И жаловаться-то нельзя была- палкой била. Защищала братьев своих, еще больше попадало... вот так... Я не могла там.

Информант: Скурихина Галина Феофановна, 1942 г.р., д.Иркинеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: в 2014г., д.Иркинеево

№ 27. О приворотах

Привораживали, бывало. (И как после этого человек жил? Как было?) А оно как было, вроде говорят, что привораживали, а всё равно бесполезно. Как я слыхала: вот ихно поколение, 26 года нянька, они вечера справляли и утром собираются бабочки на похмелье, а мужики на работе. И оне разговаривали, я слыхала, что нянька говорила: "Нет, я не хочу ни привораживать, ничего. Маруська худо знат, а хорошее не знат. А я не хочу. Это бы хорошее знал, да людям чо-то доброе делал, а тут худого". И вот втора нянька с Анисимовым этим дружила, когда Маруська его умерла, и у них получилось. Они сошлись под старость лет. Он дружил с ей смолоду, но по судьбе как-то разошлись. и вот только под старость. Но она потом-то покаялась, что пошла за него замуж. Я говорю: "Ты зачем за него замуж то пошла, Нинка? Он тебя не взял, или как там у вас не получилось, а сейчас зачем было идти?". Ну, всё равно они 15 лет прожили.

Информант: Скурихина Галина Феофановна, 1942 г.р., д.Иркинеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: в 2014г., д.Иркинеево

№28. О семье

Там жили, там умерли, в Проспихино. Дмитрий Семенович, мать – Наталья Яковлена, ангарцы. Занимались, были свои хозяйства, в селе, а потом в колхоз...работать...очутился, потом работали... Мать? Так за курицами ходила, да они раньше ездила за треской, а потом в совхозе на такой работе работала...никакой-то грамоты не имела. Мать жила в Поворокте, там у ей муж был, и детишки были. Но муж умер и у ней двое: парень и девка. Потом мать переехала и вот и тятю встретила, сошлась с ним...так и жили... Один брат по пятьдесят восьмой, тоже умер, там всех забирали.. были, собирали всех...Дом построили, скот был. Наши всё взяли, мы остались, по квартирам таскались, потом совхоз квартиру дал, так и жили там. Старики стали, умерли. Вот, потом я войну всю работала. Везде в косилах, жалах, руками косила и на этом...держала хлеб и молотила. Кулей по семьдесят килограмм таскала, на фронт всё таскала, возила. На заготовках была, плоты гоняла, баланы катали. Ой, я везде всё, в обозах ходила, в Канске на центральной, везде делать лошадей это кулито в покалы возилига на фронт хлеб по семьдесят килограмм на верфь таксали, навалит нам Коля глухой (неразборчиво) сырая, девять лошадей, таскали ягоду (неразборчиво) совести совсем нет. Мы таскали на двух багажный, потом низко бросим, высыпай (неразборчиво). Какой работали, баа...Потом... Война закончилась, пришел муж из армии. Вот я вышла замуж в сорок шестом году. Вот, там еще жили, потом ребятишки пошли, три девки родила. Потом переехали в Сосновый были, потом в Рожково переехали, потом в Пашенну, потом в Батурино были, он там работал всё. Потом я на почте двадцать лет, двадцать два года на почте работала. Затопить нады, вымыть нады, почту возила каждый день на порт. А не моя работа возить была, начальника, а я всё одна. Скот, сямья. Приду на этот...они почту заделают, я дремлю, Василий

Степанович говорит “ты чего, опять дремлешь?”. Я говорю “а ты во сколько лег? В девять... в семь. А я в три часа. Стирать надо, сямья была...”

Информант: Верхотурова Надежда Дмитриевна, 1925г.р., пос. Пашенной

Собиратель: О.В.Фельде

Записано: 03.02.2014г., г. Красноярск

№ 29. О труде

Ай, всяко было...А в центральный ходили, тоже продукты возили, а то не знаю уж кого возили, привозили...Все приедем, мужики не едут, всё меня под сено, На конях опять я еду. Я говорю “У вас совесть есть иль нету? Чего вы меня там отправляете, там морозина.” Потом приехали, по дрова нас назначили, я опять поехала. Наклали большие, а снег-то катается, падает. Мне хватило вот так, я еще живу как-то. Один раз болела. Двадцать лет почти протаскала, только (неразборчиво) была два месяца. Я безнадежно была.

Информант: Вихотурова Надежда Дмитриевна, 1925г.р., пос. Пашенной

Собиратель: О.В.Фельде

Записано: 03.02.2014г., г. Красноярск

№30. О потере родных на войне

Вася. Так он заполошный на работу к другу так и умер. Там камни если не работать, бьют. Ищю Сталина виняют, что он не знал. Как не знал, везде собирали, не у нас, на Ангаре. Везде, в пятьдесят восьмой... Как он не знал, Сталин...он руководил! Вот так. Брата убили, второго брата убили на фронте. Один пришел из армии, кишок не было, с жаной не стал жить. С нами жил, мама сметаной да молоком его кормила, потом как конь работал, жанился. На второй паре жена умерла. Один болтался. И так умер. И сын умер. Запил тоже и умер. Все умерли. Один племянник остался, а я еще живу. Всё она на почет работала двадцать лет, почетной дОске всё виселась и косила. Значков...у меня четыре значка было. Ребятишки стаскали куды-то один лежит там. На почте два дали и на войне два дали, а у меня справка такая, что я на войне работала. Прижали же, начальство-то видели как я работаю. А льготами не пользуемся.

Информант: Верхотурова Надежда Дмитриевна, 1925г.р., пос. Пашенной

Собиратель: О.В.Фельде

Записано: 03.02.2014г., г. Красноярск

№ 31. Рассказ о рыбалке

Максёнов в сентябре месяце добывают. В садок деревянный. На нем навёртывают дыры, чтоб не задохся, делают берцу и туда надобывают. Насыпают туда его, чтоб он там живой был. Когда сделается Ангара, ну, холод пойдёт, замёрзнут, заберег ставятся уды. Вырубается черешок и к ней привязывается поводок, ну так, величиной сантиметров пиисят. Уда налим у нас называется. И вот его наживляют на хребет, этого максёну отпускают. Он там ходит. Утром идут проверяют. Попал налим, значить, он ево ест, этова максёну. Попал. Вытащишь, налим хороший. Макса хороша. Это дело шло, идёт, осенью, зимой. Кто старается, всю зиму ставит. Патом, кыгда Ангара нацынает тепло, это, вода сходит, ездить нельзя уже по ней. Проходит Ангара, несёт уже редкий ледок, ставят перемёты. Попеременке уды с пробками, чтоб уда торчала вот так, кверху. Знацит, в этом месте берётся поводошик, вот так вот, уды и пробка, чтоб она её к хрени привязанный, и коряга вытянута. Быстро тода Ангара, быстро идёт. И вот, когда она вот так торчит, красна рыба плывёт и подеется. Вот, мол, запрещали, што вот нельзя перемёты ставить. Она срывается, заражается, человек добувает, отравляется. Это у нас было, как с из веку веков. И отец мой рыбачил. Четыре километра от нас Горохово. Туда осенью, в сентябре месяце, числа двадцатого сентября, съезжается туда к нам много лодок. Съезжается староста выбранный. Вот там яма. Там красна рыба на зиму собралася. Она стоит. А знаете, как стоит она. Я видал белую рыбу, стоит как и красна. Она стоит вот в ряд, здесь. Таким образом, она рядами стоит. Когда настроились уже выезжать, скажем, сёдни третье число. Утречком рассветало. Уже светло. Ну, староста с флажком с красным, лодками. Моторов не был, на гребях греблись. Щас кармой к берегу, и карябали с камня. Как он махнул флажком, отпихиваются, и кто опередит. Как вот спортсивники бегают, так и там, кто посильней. На яму

приехали. Вот в этом месте староста. А патом, когда поставили перемёты, заезжают выше старосты и отпускают. Э, дёгтю намажут верёвку, привяжут её к камню и бросают, чтоб ею пошевелить. Она покатила. Вот она подеётся. Бой сделали. Ну, вот мой отец всё лето добывал рыбу. А вот эта речка Кава, её называли рожденье Усти-Кава. Мы можем с Кавы, с этой рещки, брать воду и можем с Ангары воду брать. Вот в это время идёт налим, идёт туда таймень, идёт и щука, идёт и вокань. И вот эти налимы там, вот такие, здоровые они, жирные. Макса станешь топить, сковороду натопляется жиру рыбьиво. Порог восемь километров. Порог страшный. Много людей потонуло. А там по Каве населённые пункты были, не считай Уяр. Патом раскулачили людей, двадцать километров от Ангары. Патом тринадцать километров Сиза будет. Семь километров Прокопьево. Семнадцать километров Костино. Этак пойдёт туда, по рещке, населённые пункты. Прямо на откосе, на ето, километров шестьдесят, я раз был в ней. Эт маленька деревушка. Ну тода-то люди жили оцень богато. Весь припас был. Всё было, рыба была, э, птиса была, зверь был. Всё было. Жили люди.

Информант: Нехорошев Никифор Яковлевич, 1918 года рождения

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: Кежемский район, с. Усть-Кава

№ 32. Детская обида

(А у вас братья или сестры были?) По отцу. Два брата и четыре сестры. Ну, они с одной матерью с одним отцом прожили. А я один. Мой отец с моей матерью в дружбе дружили и надружили меня. С Отцом не общался. Ничего он не помогал. И у меня душа к нему не ложилась. Я раз помню... Пацаном еще был, ну из кожи чирки зашить, а сам, ещё капошный (малолетний. – Ред.), а мать мне: «Иди к отцу, попроси, пусть он тебе сошьет». А он на участке был, на посевной, я пошел, с чирками (род самодельной кожаной обуви без каблучков и голенищ. – Ред.) с этими, ну, подхожу так, тоже маленько есть...

стесняюсь просить-то его. А там один Федот:

- Кондрашка! Ты видишь, что сына-то у тебя с чиркам пришел, чтоб ты ему сшил.

- А он не мой, он выб.. к!

А меня это сразу... Даром, что маленький был, сразу порезало. Бросился со слезами, заплакал. Прихожу домой. Мать говорит: «Чё такое?» Я говорю: «Он меня выб...м назвал». Ну, она там чё-то ругалась. Кого наругалась, не знаю. Ну вот, даром что капошный был, а соображать стал. Так что я его не знал. Под старость лет, как он уж заболел, я работяга стал, немножко он ко мне, а у меня душа не лежит. И хоронить я не ездил. Он умер, меня заказали, я не поехал, не поворачивала душа.

Информант: Рукосуев Степан Кондратьевич, 1930 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: в 2012 г., с. Заледеево

№ 34. Ссылный Розя

Ссылные были. Ссылных-то гнали. Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссылный был, Розя, тоже жил такой мужик хороший, тоже привезён был, не воровал, ничё, уехал вообще он там, в другую деревню, и там милиционер, забыла, как его звали, работал в Паново. Заставил мужиков сам этого Розю утопить в полонне, ряка-то стала, ещё не совсем замёрзла, его живого утопили. И вот они его утопили. (За что утопили?) Вот, чё-то не понравился, вообще ничё не делал, не ругался и не воровал никакой, этот мужик захотел его утопить его этого, он ссылный, привезённый был. А потом этого милиционера-ту увезли и дали тюрьмы, и не вернулся, там его задавили. Живой не вернулся с тюрьмы. Вот так, а хулиганства не было никакого у нас, всё было нормально, хулиганства не было, ссылных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше, не знаю куда их угоняли, по деревне у нас, по улице гнали зимой.

Информант: Черкушева Зоя Андрияновна, 1926 г.р., д. Паново

Собиратель: студенты ИФиЯК

Записано: июль 2012г., г.Кодинск

№ 34. Судьба односельчанки

Вот это Нюру вам послушать интересно будет. Она прожила, она моложе, правда, нас. Судьба-то досталась, ой-ё-ё. У ней муж утонул, ехали по Ангаре там, в деревню-то в Усольцево, с концертом, с учениками ехали, учеников повезли с концертом, там дочь моя была и тогда, машина вперёд-то проехали, до Усольцева, там, концерт-то поставили, обратно поехали, а там ещё один мужик наклал ещё зерна, они вперёд ехали, трещину дала, наверно, ну река, не сильно, лёд ещё не толстый был, ещё, с осени. Седьмого ездили, раньше-то делали праздники-то, поздравляли, выступали, седьмого-то ноября всегда уже праздник был, у нас там в Паново тоже это был, майские ворота были сделаны большие возле дорогу, и трибуна была, первого мая поздравляли, напишут плакаты, и потом седьмого ноября, и вот поехали с концертом, обратно поехали, и машина-то у них осяла, ушла под воду. Ушла на дно. У ней этот муж был шофёром в машине, а аксёновская девки тоже, была Аксёново ученица, с парнем дружила, он сидел в кабине, вышел, садися-ту в кабину, девку-ту посадил в кабину, девка-ту тоже утонула в кабине, как вытащили. С шофером вместе. Вот у неё осталось пятеро. Детей она поднимала. Одного она прижила, одного шестого. Вот Васья утонул, то ли пьяный, то ли какой он. Сын из лодки выпал он, водой захлебался, сын у неё, пьяный тоже. А Колькя этот, сын от другого, набеганный он, будем так говорить. Как набеганный, после Ивана она набегала, она чё набегала, ходили как муж с женой, она с Петей жила, Петя был тоже от лешака, фашист. Он стал сарай это раз, у дома, сарай это делать, сарай стал на дрова ворочать, и оборвалась эта бревёшка. Доска, убила его совсем сразу. Сейчас внучата тут появились, надо всех кормить.

Информант: Черкушева Зоя Андрияновна, 1926 г.р., д. Паново

Собиратель: студенты ИФиЯК

Записано: июль 2012г., г.Кодинск

№35. Рассказ о охоте

Ягоды брали. А я от стариков давно слышал. Этот... Михаил... как там его... Ширинский Миша. А он штатный охотник был. И ему говорю: – Слушай, Михаил, надо бы ягод хороших найти. А он: – Дак ты следи, где медведь ходит и сосет эту ягоду... Он, – говорит, – плоху не будет сосать! А я говорю: – Это-то понятно, что он плохую не будет, но я с ним не хочу... это. А он говорит: – А я только такими методами... Раз она шарится тут, значит, тут где-то ягоды есть хорошие. А у нас там изба была охотничья. А у меня там черемши этой – хоть коси. Возле избушки было и брусники, и черники. Чернишник хороший был. И голубишник хороший был. И вот я там брал. А там от избушки метров восемьсот был залом такой, и чернишник такой высоко-о-окий был. Я думаю: «Ну-ка, я пойду там похожу, посмотрю». Ну и бабку с собой прихватил. Приехали туда. А она такая падкая у меня. Эта мелкая, а она берёт и берёт там, копается, а мне это тошно! Эта мелкая ягода. Я ей говорю: – Я найду такую, чтобы была соответствующая. Ну вот я пошел. Ходил, ходил кругами. Тут... Что такое? Что-то надавленное... Я давай присматриваться. Думаю: «О, бляха, кто-то ходит». Ну и ружье у меня на спине, заряжено, все по уму. И подошел к одному месту. Лежит кедрА и на ней ель так поперёк лежит. Я подошёл. А вдоль-то дерева такая черника! Просто аж не оторвешь глаз! Я, значит, совочек вытащил и так раз! Второй раз! В битончик ссыпаю. Вдруг раз! Хрусь! Я по сторонам поглядел – никого не видать. Ну и снова набираю. Совком греметь стал. Вдуг снова – хрусь! Я так туды-сюды, никого не видать! Да что ты! Потом под ноги-то себе смотрю, думаю: «Может, я тут топчу чё-нибудь, сучья ломаю!». А потом тока нагибаться стал – он как встал из-за колодины! И я тут! И я так как на него шары вылупил! Руки растопОрил! Совок у меня и битончик так! И вон он стоит. И ружье вот так, как до двери. А я вот так наклонюсь – оно меня по шее вот так бьет, да больно! Стволом-то. Я и поставил. Думаю, чтоб оно не мешало-то! И рот разинул я! И он на меня поглядел, поглядел... Потом видит, что это... Потом как развернулся, как под гору дал! А я надел ружье,

взял битончик, взял совочик (он в руках был) и к бабушке²⁰ подошел, говорю: – Пойдем отсюда домой, пока тут штаны не снял с нас! Она говорит: – Что такое? Я говорю: – Вот так это. Ну пошли. Вышли на дорогу. Он, сука, по дороге идет! А где лыва, в лыву наступит – ешшо муть... Я говорю: – Вот, видишь, идёт хозяин босиком! Это, сапог нету! – говорю. – Давай это, выбираться, пока не поздно, а то мотоцикл разберёт нам, и мы тут останемся. Пошли. Больше я не ездил туда! Не хотел.

Информант: Харин Иван Григорьевич, 1930 г.р., пос. Артюгино

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 2014г., пос. Артюгино

№ 36. Как медведя добывали

(Ну вы еще разок расскажите, как медведей добывали?) Ну, расскажу про первого медведя. Поехали в лес, с дедушкой Митей. Ну, вообще, наш сворот, знаете, сгорел, был пожар в лесу. Но старик то был, в этом месте охотился, он знат все, дальше говорит проедем и все. А дороги у нас на север на восток идут, так? А мы дальше поехали, прямо на север поехали прямо по степи, галька осталась, мы и похали. Мы идем идем и мох накладенный, все застеленный, и дед говорит- «медведь накладал, не трогай Федюшка». А собаки –то у нас...у него не лаят, не на медведей не боится. Вот трусливая собака! Хвост поджала. А как с другими собаками идти так сразу лает, волосы дыбом. А Лешка один остался, он чето заболел. Ну мы там поехали, хлеб склали. Ночевали. Он говорит –ладно поезжайте, хлеб сгрузите, мы вас подождем. На завтра приезжаешь, позавтракали, приехали, а у нас была Просковья, дедушки дочь. А они лошадей держут. Мы у деда вырубали шести, метра по два, чтобы на медведя берлогу идти, кресты делали. Один с одной стороны, другой с другой, караулят его как бы вылез. А мы подошли, зарядили ружья. Медведь гад, то ли ему камни помешали, то ли глубоко не мог зарыться то. Небольшой берлог сам то, а землю всю замаскировал, чтобы не видно было. В одном месте клочочек оставил. Я потом гляжу, шевелиться. Видишь видишь? Так стрелля в него! И так «Буц», стрельнули и все,

убили. Ну и вот. А после того вырубаешь шест, навинчиваешь медведя шерсть, тянешь, или он живой, лапой бац. А если не шевелиться так и убитый знач. Ну попробовал. У них де опыта у мужиков, а я молодой-то был. И говорят: «Давай, Федюшка, на лапу надевай веревку» Но показать боязнь неудобно как-то, потом смеяться будут в деревне. Но не струсил. Залез, лапу взял, веревку надел, и везешь в деревню. Вот так первого медведя и добывали.

Информант: Волошин Федор Михайлович, 1928 г.р., с.Заледеево

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 12 июля 2015г., с.Заледеево

№ 37. Сватание

Мне девчонки говорят: «Как-то сегодня Алексей придет к тебе свататься». Я думаю, как это свататься придет! Не встречались, ничего не дружили, ничего. Я дружили с его двоюродным братом. И действительно он вечером пришел сватать меня. Ну как так? Я собралась, потихоньку смылась. Они без меня там, родители сватали. Ну родители не дали согласие тоже. Вот он на второй вечер пришли. Ну сосватал. Сосватал, восемь месяцев прожили – я осталась беременная, его забрали в армию на четыре с половиной года служил. Ну вот я родила и воспитывала четыре года сама. (А его мать с отцом как вас приняли?) Ну вот они, они сильно хотели меня, потому что я была такая, что меня не надо было просить, я вижу, где надо помочь – я бегом-бегом-бегом помогла, любому помогу. Бывало такое, на сенокосе сено покосили, сели отдыхать – вижу, воды нету, схватываю эти туюски и где близко вода, бегу за водой всех. Ну они это, знают, что девка такая, что не посидит. Потом выучилась на газосварщицу, потом на бинзорезчику. И вот так я отработала двадцать четыре года сварщицей. Хозяйство было...Этих...свиней держали мы, курей держали мы. Свиней держала и на себя, ребята-то потом уже взрослые стали – и на ребят, и на как себе. Ну держали хозяйство. И огород и все же. И так же семья – надо и постирать, надо и сготовить. А придешь никакая, а там некогда отдыхать – давай

быстрей готовить, чтоб семью накормить. Ну вот так мы с ним прожили – в общем, двадцать три года уже он умер. Сердце прихватило, и вечером свадьбу справили. Вечером свадьбу справили, а утром Лёни не стало. Так веселился – и на баяне и играл, и этим плясал, и ой! Веселился по-страшному. Много было, вся родня съехалась. Утром ишо съездил на Ангару, свозил их. И вот с Ангары-то приехал и раз и нету.

Информант: Корейчик Капиталина Васильевна, р. 1933 г.р., д.Банчиково

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г.Кодинск

№38. Несчастные случаи

Тонула три раза. С неводом. У нас от деревни восемнадцать километров Илим в Ангару впадал. И вот в этом Илеме мы всегда весной неводом водили. А всегда в колхозе работы полно, дотянут до последнего, потом в лодку невод и таском ташили на себе всё. Ну тут восемь килом не доходя до Илима, восемь километров. И этот, начало или выталкивать начало и Ангару толкать начало это, от этого места-то. Мы на берег набродились вот так. Ну, в общем это, благо, что у нас никто ни это у нас, не потонул, ничё. Ну, вот на берег выташили это всё, это все лодки. Ну лодку и это, что в лодке-то было. И вот меня отправили: «Капка, беги к молдовану, чтоб он затоплял печь». А я не знала, что его зовут Алексей. Зовут Алексей, а прозвище молдован было – почему, я тоже не знаю, врать не буду, не знаю. Ну, и вот, я бегу, а он меня встречает уже, потому что на берег попасть нельзя – лёд. Ну, и вот он помог мне тут на берег выташиться. Я говорю: «Дедушка молдован, наши все перетонули, надо этот, баню топить, отогревать». Он на меня: «Иди вот у дедушки молдована и проси, чтоб он топил». Я ничё понять не могу. Ну чё, соплячка-то была, не знала, что Алексеем зовут. Они мне сказали бы, что дедушку Алексея там заставьте, а они беги там, дедушку молдована заставь баню топить. Ну, и вот так он меня встретил. Ну, а после полюбили они с бабкой меня, полюбили. Корову они

держали свою, молоком отпаивали и всё и в общем лечились, набродились. Ну, а это, второй случай, это вот как осётров поймали, нас переверуло-то этой волной-то – до берега добирались. И один раз тоже под лёд попали, тоже лёд. Это весной, не осенью. Ангара вставала, она встала. Мы перешли на ту сторону, как раньше ишо, в лодки, этот – на налимов рыбачили. Ну, вот сегодня утром Ангара встала и мы днём пошли через Ангару перебраться на свой берег. Только до серёдки дошли, и Ангару понесло, лёд начало ломать. Вот тоже нахлебались тут, чудом остались живы

Информант: Корейчик Капиталина Васильевна, р. 1933 г.р., д.Банчиново

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г.Кодинск

№39. О работе

Я пошла работать в 15 лет, было. Война уже началАся. В сорок первом году война началась, а я в сорок втором на работу пошла работать. 15 лет мне было. Вся колхозная работа была, вся работа колхозная. Подошла посвявнА, стали пахать на кОнях, боронили, сеяли все, хлеб, а потом подошел сенокос, сенокос убирали, убирали сенокос. Потом жнитво подошло. Стали хлеб убирать, жали, вязали, на молотилке молотили, сортировали хлеб на сортировка. Всё это в ручную. Не было комбайнов. Тракторов не было у нас, ничЁ вообще. Всё в ручную делали. Ну а потом уже и на скоте работала. И свиаркой работала. И тьяЯтницей работала, на больших тьяЯтах. На быках ходила, ходила за быками и за маленькими тьяёночками ходила. Ну, такие разные работы все были. И на *неразб. текст 2: 12* работали. Куда отправят туда и шли. Вся работа колхозная.

Информант: Захряпина (Панова) Зоя Андрияновна, 1926 г.р., с.Паново

Собиратель: А.С. Бочкова

Записано: 10 июля 2015г., г. Кодинск

№ 40. Воспоминания об отце

А у нас папа-то из тюрьмы-то пришел. Папа-то, за ухоженку, в тюрьме

сидел, три с половиной года, он в 54-м году пришел из армии, ой, из тюрьмы и сразу не стал в колхозе работать. Получил там это, паспорт в этой, в тюрьме. Там подженился, у нас еще где-то брат есть. Хрен знает где. Вот. И это самое, он там подженился и паспорт сделал и приехал к нам уже с это самое, с паспортом, со всем. Ну и. И вот он в 54-м году. Мы, в октябре месяце, последними (что-то там) мы уехали. И и в РАЙПОТРЕБСоюз устроились, папа устроился, ну я в этот год, вроде, в 54-м году, еще не работала с ним.

Информант: Афонина (Попова) Мария Прокопьевна, 1937г.р., с. Паново

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: июль 2012г., г.Кодинск

№41. О дедушке, бабушке и родственниках

Помню. Дедушку и бабушку. Дедушка раньше умер, а мам у нас уж в квартире в сенях, теплые сени были..были там ж умерла тоже. Были у мамы двое и этих трое, пять человек всего. Посадит их есть, а дедушка говорит “Выходите, вы наелись”. А мы вышли, своих не ругали. А потом мама в коврик уйдет. Вернется “Вы что наелись?”, а мы “нас дедушка выгнал”. Мама не ругалась. Говорила садитесь. Вот так жила, всяко тоже жили. Брат меньшей-то, брат, два месяца не дожил до войны. Пуль прошла в туды. А он связистом был. соединял линии. А он командир говорил “Помешкай, пускай пыль пройдет” А он заполошный, побежал. Подбежал немного, как летело в голову сразу убило тут его. Посылок много посылали. Три посылки маме за хорошую его работу, схоронили, памятник поставили. Если маленько, хоть бы пять минут постоял, живой остался бы. Зятя убили. Полно убили. Сестра тоже в ванне утонула. Стала всего было жила в Ветлужанке,..в Черемушке. Мы были с Ирой . Ира говорит, “Давай я тебя помою”. “Не-ет, я сама помою” Они не садились в ванну, у них скамейка, доска в ванне. Ставят доску. Как она упала никого...горячая вода шла из крана...как-то еще закрыла. Так и сгорела тут в ванне. Ревела тут. Я-то уж осталась, да племянник и внучата.

Внучат полно. Правнучки, внучата. Никто не обижает, все отца любят. А живу здесь на даче, на Крючково.

Информант: Верхотурова Надежда Дмитриевна, 1925г.р., пос. Пашенной

Собиратель: О.В.Фельде

Записано: 03.02.2014г., г. Красноярск

№42. О брате

Ну, это самое, может быть. Ну, там у нее больше, у Нины Васильевны, может быть, кого больше, брата Вани, который щас у меня брат умер, потому что он работал на госпароходстве начальником. Он же был начальник, Проспихина была под ним. Он же, как начальник был и Проспихина подчинялась ему. Дак с Васей-папой они дружили, может и это самое, ну и все равно он, он мужик, он сел на катер и поехал, с любыми, а мы то че, бабы, ведь не сядешь, это вон, быстро в Ангаре окажешься. Так что вот, вот так вот было.

Информант: Захряпина (Панова) Зоя Андрияновна, 1926 г.р., с.Паново

Собиратель: А.С. Бочкова

Записано: 10 июля 2015г., г. Козинск

№43. Свекровь

С мужем то моим сошлись мы .Ой, да Бог знает когда..не помню уж. Ну до войны , до войны еще сошлись! Вот да..да как сошлись –сосватали и все тут. Отправили жить на чужу сторону. Жили в доме, с большой семьей...у его то и братия, и сестры...и я тут...только приехала, так со свекровью познакомилась. Ну, девоньки, вот со свекровью то мне повезло! Хороша женщина была, добросовестная! Никогда ни слова плохого-то мне ни сказала, как дочь свою любила , вот как бывает! Уж порой казалось, что ее то я и люблю и из-за нее то от мужа-то не ухожу, вот оно что.

Информант: Захряпина (Панова) Зоя Андрияновна, 1926 г.р., с.Паново

Собиратель: А.С. Бочкова

Записано: 10 июля 2015г., г. Козинск

№44. Родословная

Моя родословная, это вот по отцу. Дед Филипп был, из церковных книг. Церковная книга есть. И вот из церковных книг, дед Филипп был в царской армии. Тогда служили двадцать лет. От Филиппа - Николай. От Николая - Иннокентий. От Иннокентия мой отец Яков. Папа был простой рабочий. Прозвище у него было - Шестиглавый. Потому что он очень сильный был. И быстро ходил. А мама не работала. Девять человек было. Ребятишек девять человек было. Но выросли взрослыми четверо всего. Раньше же естественный отбор был. Почему говорят, что старики ранешние крепкие. Потому что выживали самые сильные. Медицины же не было никакой. Сами все делали. Которые покрепче были дети, те и выросли. Вот и я выросла. Брат погиб на фронте. Дядя был на фронте и треугольнички же в войну были. Вот это самое. Гоша его звали. Племянник мой. Дядя-то пришел живой, а он то нет. И это самое. Читает этот треугольничек, а командир идет. Что, говорит, читаете? Письмо получил. Ну-ка покажи. Это самое. Рядом же полевая почта и все. Он говорит, так он рядом у тебя. И вот они встретились с отцом. И на завтра его убили. Отец то пришел живой. Как будто бы попрощался.

Информант: Захарченко Вера Яковлевна, 10 января 1926 г.р., д. Кода

Собиратель: Н. Булахова

Записано: в г. Кодинске 2015 год.

№45. Об отношениях со свекровью

Мы с мужем когда сходились, у меня папа уже умер, мама со мной жила. Старшая сестра уже умерла, брат убитый на фронте, это самое, и вот мы жили вместе. Моя мама, свекрова мать, свекор со свекровью. Девять человек была семья. На Батурина вот жили. И это самое, все удивлялись, кипятильник стоял, бак такой. Соседи литовцы были. И любопытно же. Придут в гости и спрашивают: "Как вы живете девять человек?". Мы два года прожили вместе, слова друг другу плохого не сказали. Свекор меня любил. Поехал на курорт, привозит два пуховых платка. Свекровка еще тогда

сказала, что это из-за меня привез. Ей в жизни не платочка не дарил.

Информант: Захарченко Вера Яковлевна, 10 января 1926 г.р., д. Кода

Собиратель: Н. Булахова

Записано: в г. Кординске 2015 год.

№46. О ссыльных немцах

Да, к нам в сорок втором году привезли немцев, они везли прям*непонятно 10:45... и до самого конца. В каждой деревне выселяли пять-шесть семей. К нам выселили шесть семей. А люди были женщины...Ну трудяги. Трудяги чо говорить. Нищие были все. Известно выселили, привезли их нищих. Они такие бедные...мы были бедные, но мы на месте, нас никто не потревожил, а их же потревожили, но мы их не бросили, мы им помогали. Мы знали, что они трудяги, чо надо, чо есть мы им давали...ну как-то мы их не бросали. Не обижали, и даже во время войны, не обижали. Они только и говорили: «Вы не думайте, мы не те немцы. Вы не бойтесь нас» - даже так говорили. А мы даже...подружки же были вот моёго возраста, мы дружили с ними. Я вот лично... с одной семьи у них было три сестры...я очень дружила с ними. А вот она очень хорошие. У них была мать. Мужиков не было, они все были в туртармии, были только старики, дети, жёны. Вот. И у этих отца забрали в туртармию и так они де-то (где-то) остались, и везли всех в Кежму, а потом развозили на илинке по Ангаре-та в кажную...эту... деревушку. Вот она...бабушка у них очень была хорошая, мать очень хорошая, хорошие люди, чо сказать. Вот. Или к нам приехали, не знаю..ну были, конечно, в ихней черте, были какие-то такие не такие, не могу сказать. (А что вот...чем отличались они? Чем-то отличались?) А по характеру отличались...их какие-то вот, как чувствовались...то, что как будто из той из немецкой, иностранной...де (где) воюют, где нас убивают, мне кажется у вас чё-то там есь. А вот эта семья как будто она тут с нами рождена была. Есть, бывало такие.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№47. О рыбалке и дедушке

(А как назывались вот эти ловушки на щуку?) На щуку? Ну вот, если на яльца - это ельцовка, ельцовка она, на сорожку-это сорожня, в эту сеточку сорожки попадают, окунечки так мелькие, а вот крупная рыба, хоть окунь крупный, хоть щука...вот это уже на щуку, это пятидесятки аж ладонь лезет. Вот это на щук уже. Разные сети. Ну были самолосы. У нас дед самолосами занимался. Он добывал осетров. Вот. Меня...маленька была, он заберёт меня, он всё работал со мной. Он был мастер. Он всё делал в колхоз: и грабли и вилы, и в покос. И вот он...нашёл себе уголье там и я уже как подросла, он говорит: «Я забираю внучку свою, мы идём заготовливать, будем... сенокос будет, чтобы всё было». И вот он со мной ходил, сядет он что-нибудь покурить, он мне всё рассказывает, всё рассказывает: «Вот мы ща с тобой это сделаем, наготовим, а вот весной мы с тобой на рыбалку поедем». Я говорит скажу председателю «Не троньте её, она мне будет грести, мы будем самолосы ставить», на неделю он берёт. Хоть, говорит, хоть чо, а я поехал на рыбалку. Пускают его. А это я всё сделаю, время придёт и будут грабли, и будут вилы и лопаты. Всё будет. А лопаты ведь делали только деревянные, железных-та...хлеб-та нельзя железными-та, он же долбит, а семена-то потом не будут всходить. А я говорю: «Деда чо это ты много делаеш лопат, железные ва магазинах продаются». «Нельзя железными лопатами хлеб обрабатывать. Нельзя, потому что он просекёт зерно. Зерно не взойдёт потом». И он всё и делал лопаты только с осины.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№48. О знахарях

А мне и говорит бабушка моя, она тоже рыбачка была страшная, простужала же ноги, бродила же, ты чо, как не простынуть: «Ой, беги за

Афанасей». Там у нас бабушка, она молода была, она умеет заговаривать, она приходит, у ней такое магнито... вот такое какое, и вот она вот этим магнитом... посадить её и чертит, и с наговором чертит, всё, две девятки походила, у бабушки нога выздоровела. (А что такое две девятки походила?) А вот это наговоры такие есть. Три девятки -это три и три раз, вот это дявятка выходит. Вот. Три дня и как будто девять дней. И выходит дявятка. Вот нады две девятки или там три дявятки, и надо бы это... вот это всё... были знахаря, были. И руки вставляли, и были знахаря вот, другой раз слом даже кости складывали, вот в Аксёновой там были хорошие знахаря у нас. Мама аксёновская родом, там вообще были хорошие знахаря, там даже один был старичок, он всё складывал. Раздроблят ногу, мало ли чо, ведь работа была такая, всё вставляли и вывихи, всё вставляли, не было врачей-то никаких.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№49. О волхитках

Ой, ой, и все и волхитки раньше были, када вот страшны вечера. У нас одна там бабка была, такая была противоза, она нарядится, как распустил свои косы и бегат. А мы ещё боялися. Там ходим, боимся, ой там гумно такое страшное, мы не пойдём, там волхитки бегают, а она нарядится на метлу сядет, страшны же вечера, а мы же любим тоже побегать-та, чо-нить понаряжаться, да чё-нить погрезить-та, а она на этой метле и бежит туды в этот вот... вот такая была старуха. И вот када она умирала, она так умирала тяжело, что деду... её дед ещё был... он пошёл и с избы матицу... эту... конёк снял. Вот на крыше-то есть вот эти коньки-та, а были четырёх-та эти...этажей та эти крыши, и вот она тада снял её, она тада только богу душу отдала. Она всё знала, чё-то знала. Сглазить и могла. И всё могла. Вот. А это тоже есть наговоры бабушек, были наговоры.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№50. Об урочливых

У нас за речкой, одна Говрюшкина-то бабушка была, она вообще была страшная, она даже поросёнком одевалась и приходила, шла в деревню вредничать чё-нибудь, кому-нибудь делать зла. Вот такая была старуха. Пожилые. Они пожилые. Вот один...я вам щас расскажу...у нас всё мама рассказывала, у неё был сродный брат в деревне, как было даден, мать умерла, а у отца было много и вот он маме сродный брат, его у нас в деревню... детей не было, одни старички, взяли его, как приёмыша, ну он рос-рос...в четырёх годов вырос, взрослым стал парнем и полюбил девчонку с Заречки. Ну и бежит, побежала, мы-то на угорье были, у самой у речки жили...дом-та, бегают туды к девушке надо идти, он только побежал через речку, а речка-то уже замерзшая была, идёт, спустился, говорит: «иду, кто это мог поросёнка зимой отправить и остановился, думаю чё-то не то, итак думаю, бяру савочек такой, думаю ну-ка я щас погоню его обратно в Заречку-ту», подошёл к ней, как дал ей по спине: «ну-ка давай, девка», она появилась бабушкой. Никакой, говорит: «Ой, Шура, ты меня не трогай. И только никому не рассказывай». Он говорит: «Маме-то рассказал, да чёрт говорит». Ну побаивались, потом все знали, что такая была...чё-то в ней было вот такое. Она когда умирала тоже очень мучилась, такие люди сильно мучаются.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№51. О рыбалке

Я так работала. У нас дед такой был и родители у меня были, они очень были...ну колхоз же был...куда деваться-то надо было, а потом их на фронт забрали, я тада уже на вожжах боронила. Да, я была. Вот этой барноволок. Пахарь у нас- вот это пашут...плуг, а мы за ним, за плугом...этим бороним.

Вот две лошади, нас вот две девочки было. Одна немка. У нас немцев же много пригоняли тоже. И вот мы с ней боронили. А лошади-то падают, не идут, кормить-то тоже подьезным- то нечем. Вот мы прутиками, а рябятя-то чё...они бичи делают, подойдут: «Да, давайте, мы вам хоть по бичу сделаем». А мы прутиками, а они у нас идут-идут да и станут. Вот. А в бороны попадёт вот такая коряга...ой чё делать...бороны не можем поднять, останавливаем, а чё нам по двенадцать лет мы бороны это...всё равно вытаскиваем...ну куды деваться-то. А мать моя, она у нас была такая работяга. Она...нас четверо и деды хоть маленько помогают, но всё равно за ними уход надо же. Вот. А она всегда работала у нас, конюшила. Вот этих коней-то кормит, тама-ко (там однако) долбит, тоже нечем кормить, солому запаривает, чтоб потом покормить, чтоб они хоть борону таскали, не на сухую таскали. Трудно было, родная. Трудности все пережили, на этом не стояли. Всё равно работали и работали, потому что надо детей-та кормить тоже надо было.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск

№52. Бой на рыбу

Бой на рыбу, ну как было вот это в роду, в каждой деревне бой делали. В определенное время. Люди же работали, у кого свободно время, они в любое время едут и ...а надо чтоб у всех, и люди стали возмущаться «нам нельзя, мы на работе», а у них там может быть бабушка старенькая, она рябятишек возьмёт и поехала, она добры места выберет, а когда будет бой нам там и делать уже нечего. Вот и устанавливали бой. (И на рыбу тоже на красную?) А на рыбу...красна рыба была строга, а белую нет, белую нет. Только в сдачу потом, мы ж сдавали эту рыбу, на фронт отправляли, мы добудем...вот дали тебе пятнадцать килограмм тебе сдать, мы поедем, добудем, может ведра полтора, ну килограмма два-три откладываем и несём. У нас приёмщик в деревне был, всё и сдавали эту, нады, нады. Мы как-то всё делали для фронта.

Информант: Мухачова Евдокия Арсентьева, 1931 г.р., д. Мозговая

Собиратель: О.В. Фельде

Записано: 10 июля 2015г., г. Кординск